

Франк Лепрево

Комната слез

Краткое содержание : Мишель недавно избран понтификом. Прежде, чем обратиться к толпе с центрального балкона собора Св.Петра, он в обществе камерлинга и папского церемониймейстера удаляется в «комнату слез», - ризницу, примыкающую к Сикстинской капелле. Его сопровождают камерлинг Ватикана Гвидо Фальконе и обер-церемониймейстер Стефан фон Хардинг, а тем временем швейцарские гвардейцы заняты поисками исчезнувшей сотрудницы Банка Ватикана - Софии.

Что за тайные связи объединяют Гвидо и Стефана? Почему скрывается София? Что знает – и о чем догадывается Мишель? Чего в нем больше – наивности или провидчества? Невинности, или причастности к общей вине?]

Напряженная интрига, полная юмора и глубоких эмоций, затрагивает темы власти], предательства, ответственности, любви, религии и выбора. В этой комедии] и человеческий фактор вторгается в Дом Божий.

Место действия : комната слез – ризница, примыкающая к Сикстинской капелле].

Действующие лица : Мишель (будущий понтифик), кардинал Гвидо Фальконе (камерлинг), кардинал Стефан фон Харден (папский обер-церемониймейстер), София (бухгалтер Банка Ватикана).

Биография: Франк Лепрево родился в 1965 г. во Франции, он профессор университета, математик, полиглот, коллекционер произведений искусства и путешественник. Отчеты, составленные им по заказу Европейского парламента, легли в основу законодательных актов ряда европейских стран, - например, коллективный исследовательский труд о сетях электронного слежения Echelon, опубликованный за десять лет до громкого дела Сноудена.

Франк Лепрево – автор трех театральных пьес, и в том числе «Комнаты слез», написанной в разъездах между Люксембургом, Санкт-Петербургом, Нью-Дели, Барневилем и Киото.

Контактная информация : Franck Leprévost
Email : Franck.Leprevost@uni.lu

Перевод на русский язык: Алла Беляк
Alla_beliak@list.ru

На Ватикан давно спустилась ночь. Но время течет незаметно в «Комнате слез» - ризнице, примыкающей к Сикстинской капелле. В ней нет окон, обстановка строгая, даже аскетическая. Справа в глубине комнаты виден шкаф. Слева на средней высоте располагается зеркало, большая его часть скрыта от зрителя. Небольшое распятие размещается на третьей стене. Обстановку довершает деревянный стол и несколько стульев, а также молитвенная скамья.

Левая дверь открывается: Гвидо и Стефан входят и зажигают свет.

ГВИДО : Прекрасная церемония, не правда ли?

СТЕФАН : Надо сказать ... Прекрасная, да.

ГВИДО : Следует признать, что вы снова все организовали мастерски.

СТЕФАН (*скромно*) : О ...

ГВИДО : Ну-ну, не скромничайте. Впрочем, не обессудьте, но иного от вас никто и не ждал, дорогой мой! Вы уже в третий раз выступаете в качестве папского церемониймейстера. Естественно, результаты все лучше. Вы совершенствуетесь!

СТЕФАН (*по-прежнему скромно*) : О ...

ГВИДО : Да-да, говорю вам, вы превзошли себя. Ну, согласитесь. Это для всех очевидно. До меня доходят отклики, знаете ли. Хвалебные.

СТЕФАН : И то сказать, - за неполных четыре месяца сменить трех пап! Такой случай выпадает не часто. Ой, простите.

ГВИДО : Да что вы! Не извиняйтесь, я прекрасно вас понял. Я вам почти завидую. Удостоиться высокой чести запереть в Сикстинской капелле кардиналов и тем самым начать конклав... И так – три раза подряд... В вашем-то возрасте... Ловкач ! Кстати, а сколько вам на самом деле лет?

СТЕФАН : Только разменял шестой десяток.

ГВИДО : Ну, в наших кругах вы просто вьюноша! (*с подтекстом*) Прелестный возраст, кстати. Далеко пойдете!

СТЕФАН (*скромно*) : Монсеньор ...

ГВИДО : Да-да, уж поверьте моему опыту, далеко пойдете! У меня глаз наметанный.

СТЕФАН (*скромно*) : Вы заставляете меня краснеть ... Видите, вогнали меня в пурпур!

ГВИДО : Я имел в виду не этот цвет: пурпур у вас и так есть, дорогой кардинал. Нет-нет-нет. Если вы будете и дальше продвигаться в том же темпе, вас ждет другая краска.

СТЕФАН : Что вы, как можно!

ГВИДО : Белый цвет подойдет вам как нельзя лучше.

СТЕФАН : Боже упаси !

ГВИДО : Ну что за ребячество ! (*приторно*) Хотя вы так молоды. Мы оба знаем, что вы об этом подумываете (*Пауза*). Понадобится поддержка, разумеется.

СТЕФАН : Не будем забегать вперед.

ГВИДО : Ну конечно! Спешить некуда. Кардиналы устали от своего вынужденного затворничества в Ватикане. Понятно, что им не захочется так сразу все начинать по новой. К тому же они вас немного побаиваются.

СТЕФАН : Как это ?

ГВИДО : Ну, говоря по правде ... Они считают, что вы могли бы посадить их на хлеб, вино и воду, если бы они в течение 5 дней не достигли согласия в выборе следующего счастливица. Они думают, что вы могли бы даже принудить их к совместному проживанию. В капелле!

СТЕФАН : Как в старые добрые времена ...

ГВИДО : Ох уж эти традиционалисты ...

СТЕФАН (*прерывает его*) : Вы хотели сказать « консерваторы » ...

ГВИДО : Если этот синоним вам больше по вкусу. Как бы то ни было, но несмотря на свои убеждения, даже « консерваторы » (*голосом подчеркивая кавычки*) – такие же люди, как все, и лишения встречают неохотно. Конечно, если они касаются их самих.

СТЕФАН : А то, что они меня побаиваются, - это проблема ?

ГВИДО : Для перехода с красного на белый цвет ?

СТЕФАН (*нерешительно*) : Да ...

ГВИДО : Нет, конечно. Все дело в дозировке. Папа должен олицетворять власть Церкви. Тем более – потенциальный папа. Потенция – хорошее слово, да ?

СТЕФАН : Очень.

ГВИДО : Оно вам прекрасно подходит. Нет, в том, что касается умения продемонстрировать силу Церкви, - то его признают за вами все кардиналы, никакого сомнения тут нет.

СТЕФАН : Это качество и в самом деле необходимо.

ГВИДО : Но недостаточно. По крайней мере, для избрания. А вот если собрать большинства в две трети голосов - тогда другое дело! А для этого надо гладить старцев по местам выпадения волос. В тени их премудрых морщин гнездятся недремлющие амбиции. Вот тут и следует действовать. Мягко стелить. Поддакивать, умасливать. Курить фимиам. Втирать ароматические мази. Щедро, не жадничая! А кардиналы такие индивидуалисты! Привести их к консенсусу почти так же трудно, как постичь бесконечность Божественного умысла...

СТЕФАН : Ох, не получится.

ГВИДО : Постичь бесконечность? Ну, ничего не поделаешь.

СТЕФАН : Набрать две трети.

ГВИДО : А как иначе? Результат выборов непредсказуем ... Иоанн-Павел II сократил процедуру: необходимо достичь абсолютного большинства голосов и провести не более 30 туров голосования.

СТЕФАН : Решение правильное, иначе конца не видно.

ГВИДО : Золотые слова! Впрочем, это не очень помогло его наследнику ... Да что я говорю ? Одному из ваших предшественников...

СТЕФАН : Ах, вы забегаете вперед ...

ГВИДО : Вы думаете? О чем, бишь, я говорил? Милейший Бенедикт XVI во что бы то ни стало хотел быть главным ревнителем традиции. Кстати, перед тем, как подать в отставку, он открылся мне: по его, Бенедикта, мнению, Иоанн-Павел II был хиппи. Не самый волосатый, конечно, но все равно хиппи. Слишком вольно обращался с догмой. Вот сам он взял и отменил все вольности Иоанна-Павла II одной буллой. Пшик – и нету. Благодаря ему мы вернулись к III Латеранскому собору с его канонами. Подумать только, принятыми в 1179 году! Сколько воды утекло! *(Пауза)*. Словом, в чистом остатке у нас задача убедить 80 кардиналов из 120, допущенных к голосованию.

СТЕФАН : Трудно.

ГВИДО : Очень. Да и сторонников у вас в последнее время все меньше. Кто знает, что с вами сделает новенький.

СТЕФАН : На что вы намекаете? Вы что-то узнали?

ГВИДО *(коварно)* : Что такого я еще могу про вас узнать, чего не знал прежде?

СТЕФАН : Прошел какой-то слух? Говорите, заклинаю вас.

ГВИДО : Эге! Я вроде бы не на исповеди! *(Пауза, потом многозначительный взгляд, который может выразить и совсем не то, что последующие слова)* Вам вовсе незачем беспокоиться. *(Пауза)* В принципе. *(Пауза, более легким тоном)*. Но быть поосторожнее не повредит. По слухам, новенький простоват. С простаками всегда надо держать ухо востро. Они не знают обычаев. И еще они частенько склонны ниспровергать церковных иерархов. Таких, как вы.

СТЕФАН : Но в обширной аристократии нашей Церкви есть немало и других иерархов, вам не кажется?

ГВИДО : Узнаю вас! из-под сутаны выглядывает иезуит.

СТЕФАН : И все же? Насчет себя вы вполне спокойны?

ГВИДО : Сказать по чести ...

СТЕФАН (миролюбиво, но с сомнением) : Попробуйте ...

ГВИДО : Ну что ж. Скажем, объективно отдельные вопросы могут иметь ко мне некоторое отношение.

СТЕФАН : А ведь насколько я помню, всего лишь два года назад вы были просто монсеньером Гвидо Фальконе. Одним из 120 кардиналов.

ГВИДО: Проще сказать, тогда были мы с вами и 118 статистов.

СТЕФАН : Узнаю вашу любовь к цифрам. Всем известную ... и, кстати, вполне оцененную. Именно она привела вас на пост камерлинга.

ГВИДО : О да.

СТЕФАН : В 62 года. В нашей среде – возраст практически подростковый.

ГВИДО : Спасибо, Монсеньер Стефан фон Харден. Кстати, раз уж мы затронули эту тему, я счастлив, что ваша память – тоже всем известная – не дает вам забыть про мой день рождения. Мне всегда приятно получать по этому случаю небольшой знак внимания с вашей стороны. Всегда трогательный и глубоко личный. И так десять лет подряд.

СТЕФАН : Да-да, десять лет подряд день вашего рождения случается в одну и ту же дату. Впрочем, в ваших словах есть доля истины: память - полезная вещь. Но иногда она может и отказать. Случается и такое.

ГВИДО : И тоже иногда очень кстати. Постараюсь это запомнить.

СТЕФАН : Но пока что мне не случалось забывать о той (*с нажимом*) тяжелой ноше ответственности, которую подразумевает ваша роль камерлинга.

ГВИДО : Не стоит преувеличивать. Я просто тружусь на поприще, которое доверил мне Господь.

СТЕФАН : И Господь доверил вам поприще важное, хотя и вполне земное. Поскольку вы, в общем-то, управляете имуществом Церкви в период временного отсутствия папской власти. Словом, едва исчезает папа, как ...

ГВИДО : ...тут же возникаю я. Как говорится, « свято место пусто не бывает » .

СТЕФАН : Вот и славно, или как у нас говорят - « Gott mit uns ». Вернее, как говорили: уходят традиции. Но как бы то ни было, а именно вам доверено управлять недвижимостью, банками и всем прочим вплоть до избрания нового понтифика. Да уж, потрудились вы на славу: такая текучка в последнее время.

ГВИДО : Главный труд – духовный.

СТЕФАН : Ну, двое-то пап умерли.

ГВИДО : Господь призвал их к себе. Должно быть, ему их не хватало.

СТЕФАН : Может, и так. (*Пауза*) Но признайтесь: этот духовный труд вы вершите с большим энтузиазмом.

ГВИДО : Что ж, да простит меня Господь, но я всем сердцем прикипел к работе. Держать в своих руках бразды финансового могущества Церкви – даже дух захватывает.

СТЕФАН : И даже несколько опьяняет, вам не кажется?

ГВИДО: Это не в моих привычках.

СТЕФАН : Вас никогда не опьяняет?

ГВИДО: Мне никогда не кажется.

СТЕФАН: Как бы то ни было, но и вы, по слухам, не чужды амбиций.

ГВИДО: Вряд ли я предложил бы вам – в нужный момент - поддержку в избрании на высший пост, если бы метил на него сам!

СТЕФАН : Случалось и такое, знаете ли.

ГВИДО : Папское служение меня не интересует.

СТЕФАН : Тут я вам верю.

ГВИДО : Вот видите, в вас есть вера, значит вы, в отличие от меня, созданы для этой роли.

СТЕФАН : Я краем уха слышал, что во время этих периодов замещения вы завязали весьма плодотворные контакты. И в очень разных кругах. Действительно, очень, очень разных. Когда я говорю о «кругах»... Среди них и весьма темные.

ГВИДО : Управление миллиардами Курии предполагает наличие прекрасных связей.

СТЕФАН : Вероятно, так оно и должно быть. Досадно, в вашем случае, что работа носит временный, промежуточный характер. С приходом новенького – ну, этого гвианского простачка, который просто пышет здоровьем и вполне еще молод, мальчишка! - всего-то 65-лет – через несколько часов ваша миссия завершится. И он еще Бог знает, что найдет, если потрудится залезть в бухгалтерию. Вас ничто не беспокоит?

ГВИДО : Не смешите меня. Я твердо стою на ногах.

СТЕФАН : Потому что любите «Белуччи»?

ГВИДО : Не понял?

СТЕФАН: Ботинки на вас – марки «Белуччи»? Знаете, магазин эксклюзивной обуви ручного пошива на Виа Кондотти.

ГВИДО : Вы стали заглядывать под сутаны?

СТЕФАН : Знаете ли ... В наших кругах...

ГВИДО : Как бы то ни было, но я беспокоюсь не больше вашего. Тем не менее, ради нашего обоюдного спокойствия, я думаю, что нам следует открыто заключить пакт. В конце концов, это тоже традиция.

СТЕФАН : Не особенно.

ГВИДО : Что вы!

СТЕФАН : Заключить пакт - да, но чтобы открыто ...

ГВИДО : Наши отношения, действительно, долго время окутывала благотворная дымка тумана. Но наше сотрудничество, приносившее столь замечательные плоды ...

СТЕФАН : Особенно вам, на каждый день рождения. Десять лет подряд.

ГВИДО : И вот это наше сотрудничество, я считаю, только выиграет от внесения некоторой ясности. Да будет свет.

СТЕФАН : Значит, вы помогаете мне получить, в нужный момент, пресловутые две трети голосов, так?

ГВИДО : И стал свет.

СТЕФАН : Мне также представляется, что наше с вами десятилетнее, как вы удачно выразились, сотрудничество, имеет определенную цель. Что компенсирует эти 80 голосов?

ГВИДО : Что вы, я же не торговец в храме!

СТЕФАН (*делает вид, что спохватывается*) : Прошу прощения.

ГВИДО : Прощаю.

СТЕФАН : Позвольте поразмышлять вслух и без малейшего намерения вас чем-то смутить. Святому престолу не повредили бы некоторые новации.

ГВИДО : Вероятно. Немного инновации, из лучших побуждений, не повредит.

СТЕФАН : Ничто в каноническом праве, на мой взгляд, не препятствует тому, чтобы доверить камерлингу миссию управления банком Ватикана на более постоянной основе, путем издания специального папского мандата.

ГВИДО : Согласен : ничто не препятствует. Наш союз весьма полезен. Степень доктора теологии – хорошая вещь, но степень по каноническому праву тоже весьма удобна. Теология - ваш конек.

СТЕФАН : А за вами остается канон ?

ГВИДО : Современный вариант союза меча и кадила.

СТЕФАН : Золотые слова. Ну, вернемся к нашим баранам. Если Богу будет угодно доверить мне, в свое время, управлять домом Петра, то папская булла на соответствующую тему будет первой, которую я издам.

ГВИДО : Хорошее дело издавать буллы. А какая же будет второй?

СТЕФАН : Новшества ни в коем случае нельзя вводить резко. Благо Церкви нуждается в преемственности структур и персонала. Вторым решением я облеку вас своим доверием в качестве камерлинга.

ГВИДО : На несменяемой основе?

СТЕФАН : Разумеется. Понтифик не может ошибаться. (*Пауза*). Однако есть

обстоятельство, которое все же внушает мне беспокойство.

ГВИДО : Не улавливаю.

СТЕФАН : Что у нас с этой бухгалтершей из банка?

ГВИДО : Ах, с этой ... Швейцарские гвардейцы ищут ее повсюду. Скверная история.

СТЕФАН : А что... много она знает, как бы это сказать, - подробностей?

ГВИДО : Не исключаю.

СТЕФАН : Лучше урегулировать это побыстрее. Вы должны быть безупречны.

ГВИДО : То есть достичь примерно вашего уровня безупречности ...

СТЕФАН : Ну, в общем ... Когда мы сможем обсудить следующие этапы?

ГВИДО : Своевременно.

СТЕФАН : К слову, своевременность как понятие не вполне меня удовлетворяет.

ГВИДО : Готов согласиться, в нем есть некоторая расплывчатость.

СТЕФАН : Излишняя, на мой взгляд. Она вредит стабильности, правда?

ГВИДО : Гвианец тоже должен внести свою лепту. А вот и он.

Входит Мишель.

МИШЕЛЬ : А, вы оба здесь... Не помешал я вашим камланиям?

ГВИДО : Ваше святейшество, о чем вы? В ожидании вас мы беседовали о необходимости баланса между теологией и каноническим правом. Но теперь вы с нами, и наши дискуссии можно отложить до срока. Без малейшего ущерба.

СТЕФАН : Ваше святейшество, позвольте мне адресовать вам самые искренние поздравления.

ГВИДО : Мои пожелания успехов, такие же искренние, да пребудут с вами, ваше Святейшество.

МИШЕЛЬ : Рад констатировать ваше единство и равную искренность. *(Довольно продолжительная пауза)*. Значит, вот оно. Место преображения.

ГВИДО : Да, ваше святейшество, именно сюда каждый новый понтифик приходит выбрать себе белую сутану.

СТЕФАН : Модели в шкафу. Дом Гамарелли поставляет нам три размера: « small », « medium » и « large ». Они обязаны действовать таким образом. А как иначе, они же не знают размеров будущего папы. Для вас, думается, подойдет « medium ». Не слишком большой, не слишком маленький.

ГВИДО : Ваше святейшество равно далеки от крайностей.

МИШЕЛЬ : Неужели вы уже знаете мои размеры?

ГВИДО: Средний – вполне пристойный размер.

МИШЕЛЬ: Некоторые вполне пристойные вещи кажутся мне сомнительными.

СТЕФАН: Ваши сомнения, смущение – вполне нормальны. Вы еще наплачетесь.

МИШЕЛЬ: Какого черта?

СТЕФАН (*шокирован*): Ваше святейшество! (*Берет себя в руки*) Такова традиция. На том самом месте, где вы находитесь в данный момент, у меня на глазах рыдали оба ваших предшественника. Да, именно здесь. Плакали как невинные дети, - в этой ризнице, которая не случайно зовется «комнатой слез».

ГВИДО: И на моих глазах тоже.

МИШЕЛЬ: Правда? Что ж, им это не сильно помогло.

СТЕФАН: Рано они нас покинули.

МИШЕЛЬ: Мне тоже так кажется.

ГВИДО: Вполне искренне желаю, чтобы новый папа не пополнил собой Святую троицу.

МИШЕЛЬ: Всегда поражает ваше ловкое владение цифрами. Кстати о цифрах: как вы расцениваете мой результат на выборах?

ГВИДО: 81 голос из 120?

МИШЕЛЬ: Да.

ГВИДО: После 42 тура голосования?

МИШЕЛЬ: Точно.

ГВИДО: Блестящая победа.

МИШЕЛЬ (обращается к Стефану): А вы что скажете?

СТЕФАН: Обнадеживающий результат.

МИШЕЛЬ: Благодарю вас за откровенный анализ.

ГВИДО: Выборы, знаете ли, штука сложная. Во время туров голосования лидеры просто топят друг друга. Не в открытую, конечно, но со всей страстью. Бывают жертвы, знаете ли.

МИШЕЛЬ: Во время выборов умирают реже, чем после. По крайней мере, в нашей среде.

ГВИДО: Ну, вы меня поняли. Но иногда фавориты нейтрализуют друг друга, наступает равновесие... И тогда может появиться аутсайдер, и тогда вокруг его кандидатуры складывается определенный консенсус.

МИШЕЛЬ: Как в моем случае ...

ГВИДО: Да.

МИШЕЛЬ : Золотые слова.

СТЕФАН : Господь на этот раз указал на вас. Здесь, в этой ризнице, вы должны возложить на себя миссию. Как и все понтифики, ваши предшественники. Вас ждет одиночество ...

МИШЕЛЬ (*прерывает его*) : Не полное.

ГВИДО : По крайней мере, теперь вы более одиноки, чем когда-либо, и это навсегда. Здесь нет тайны. У каждого папы - одно и то же ... Он ощущает здесь гнет, – тяжелый, невыносимый, нечеловеческий: бремя предстоящей миссии. И по традиции должен поплакать.

СТЕФАН: Надо выплакаться как следует и станет легче.

ГВИДО: Вот именно, а затем он надевает непорочно-белую ризу и твердо становится во главе Господней Церкви. Лучше бы вам поплакать. Не сдерживайте чувств.

МИШЕЛЬ : Вы кардиналы или психологи?

ГВИДО : Одно другому не мешает. (*Пауза*). Даже наоборот.

МИШЕЛЬ : Я в курсе. Но, видите ли, я что-то не особо настроен плакать. Тем более здесь, вдали от дома. На стороне. Чуть не сказал: на чужбине.

ГВИДО : Что вы, ваше святейшество, вы окружены друзьями. Конечно, вы не знаете Рима, не знаете курии. Накопленный вами опыт, конечно, прекрасен, но он касается работы в Южной Америке. В Гвиане. Во французской, конечно, но все-таки Гвиане. Вдали от власти. Но средоточие власти, ее сердце находится именно здесь, в Риме. Вы увидите, это сердце округло, гладко, гармонично. Без каких-либо шероховатостей.

МИШЕЛЬ : И при этом круглом гладком гармоничном сердце без каких-либо шероховатостей, вы – это как бы сказать... желудочки?

СТЕФАН : Некоторым образом да, Ваше Святейшество.

МИШЕЛЬ : И оба желудочка настаивают, чтобы я поплакал. Согласно традиции. У них на глазах.

СТЕФАН : В век интернета, Ваше Святейшество, такая стыдливость делает вам честь! Возможно, вы в последний раз переживаете что-то в приватной обстановке.

МИШЕЛЬ : Приватно, но под присмотром двух желудочков.

СТЕФАН : Через час ваше одиночество станет полным. Вы будете публичной фигурой. И отныне вы будете принадлежать Истории Церкви, и значит, Большой Истории. Себе вы больше принадлежать не будете.

ГВИДО : И так до скончания века.

МИШЕЛЬ : Который может наступить довольно скоро, судя по судьбам тех, кто тут ...(*пауза*) проливал слезы до меня.

ГВИДО: Как вспомню, - так слезы наворачиваются.

МИШЕЛЬ : Вы явно настаиваете. Ну и плачьте, если вам хочется. Я не запрещаю. Но перестаньте требовать от меня того, что мне совершенно не по душе.

Гвидо и Стефан обеспокоенно переглядываются .

СТЕФАН : Ваше Святейшество тоже не обязаны плакать. (*Пауза*). Вы позволите мне задать вам вопрос, - на совсем другую тему, не беспокойтесь.

МИШЕЛЬ : Я не беспокоюсь. Извольте.

СТЕФАН : Так вот, есть один вопрос, который меня как бы сказать, донимает.

МИШЕЛЬ : Вас донимает?

СТЕФАН : Да, то есть он меня ...

МИШЕЛЬ : И что же за вопрос вас донимает?

СТЕФАН : Ну, значит ... Вот он : когда старший кардинал, который председательствовал на конклаве, спросил вас, каким именем вы желаете называться, вы выбрали Мишель, « Михаил ». Почему такой выбор?

ГВИДО : Я также задавался этим вопросом.

МИШЕЛЬ : Вас он тоже донимает?

ГВИДО : Некоторым образом.

МИШЕЛЬ : Я отнюдь не собирался донимать вас обоих сразу. Ответ очень прост: связь с традицией.

СТЕФАН : Ах! Традиция – это очень хорошо. Но в данном случае, я не совсем уверен, что ...

МИШЕЛЬ : Я вписываюсь в вереницу, идущую от Иоанна II, жившего в VI веке. Я меняю имя. Беру – как там говорят в детективах? Ах да, псевдоним.

ГВИДО : Конечно, Ваше Святейшество. Менять имя с некоторых пор действительно « модный тренд ». Однако почему же « Михаил »? Почему он, ведь святых на выбор так много?

СТЕФАН : Михаил далеко не ангел.

МИШЕЛЬ : Именно это мне в нем и нравится. Михаил – крылатый рыцарь, низвергающий дьявола. Михаил держит весы Страшного суда. Михаил ведет за собой спасенные души. И к тому же он архангел. Согласитесь, фигура. Я намерен использовать все его атрибуты, чтобы вернуть бедных, нуждающихся, заблудших - в сердце Церкви. Во всех планах. Моральном.

ГВИДО : Прекрасно понимаю. Именно в этом миссия Церкви.

МИШЕЛЬ : Духовном.

ГВИДО : Разумеется. Это также входит в область миссии Церкви.

МИШЕЛЬ : Финансовом.

ГВИДО : Как вы это понимаете?

МИШЕЛЬ : Тут вы не согласны? Вы не думаете, что это входит в задачи Церкви?

СТЕФАН : Разумеется, да. Если хватает средств.

ГВИДО : Действительно, благое пожелание. Я поддержу вас, насколько возможно. Но знайте: финансовое состояние Церкви далеко не завидно.

СТЕФАН : Есть и другие сложнейшие задачи, которые Вашему Святейшеству придется решать. Непонятно даже, с какой стороны подступиться. Ваши предшественники буквально сгорели на работе.

МИШЕЛЬ : И я того же мнения. Кто знает, что бы они свершили, если бы остались в живых.

ГВИДО : Один Бог знает.

МИШЕЛЬ : Я соглашусь с вами в том, что Бог в курсе, поскольку Он все видит. Но говорить, что знает Он один ...

СТЕФАН : Ну, допустим. Поговорим теперь о вещах серьезных : положение христиан Востока абсолютно ужасающе. Они подвергаются преследованиям, их церкви жгут, их притесняют салафистские режимы. Ваша миссия – заняться ими, не забывать наших страждущих единоверцев.

МИШЕЛЬ : Я действительно собираюсь сделать это одним из главных поприщ.

СТЕФАН : Как это одним из главных поприщ? В час, когда ислам наступает, ваш долг – защищать наши ценности, нашу веру и развивать соответствующие дипломатические отношения для достижения наших целей. Никаких других приоритетов быть не может.

МИШЕЛЬ : Я понимаю, что эта тема должна быть близка сердцу желудочка. Но, видите ли, я вижу наряду с этой важной задачей и другие насущные цели, которые кажутся мне жизненно важными для существования церкви.

СТЕФАН : Я не вижу, что может быть большим приоритетом, чем защита единоверцев.

МИШЕЛЬ : Не следует пренебрегать внутренней политикой.

ГВИДО : Внутренней политикой? Государства площадью в 44 гектара? Насчитывающего менее 9000 жителей?

МИШЕЛЬ : И с нулевой рождаемостью, насколько мне известно.

ГВИДО : Вы управляете не провинциальным городишкой! Само понятие внутренней политики не имеет никакого смысла в сравнении с вашей ответственностью за планету.

МИШЕЛЬ : Мы используем те же слова, но придаем им разный смысл

ГВИДО : Смысл, смысл! О чем вы говорите, в конце концов?

МИШЕЛЬ : Пора вымести сор из избы.

ГВИДО : Как вы это понимаете?

МИШЕЛЬ : Да вы решительно туги на ухо!

ГВИДО : Прошу прощения. Но я не понимаю, какое направление вы хотите задать Церкви. И я боюсь, что я тут не одинок.

МИШЕЛЬ : Беспокоиться не стоит: белый цвет несет с собой ясность. Хотите выдержку из моей папской программы? Предпремьерный анонс ?

ГВИДО : Пожалуйста.

МИШЕЛЬ : Отлучения от церкви, реформа индекса ...

СТЕФАН : Господь Бог!

МИШЕЛЬ : Рукоположение в сан женщин, отмена целибата ...

СТЕФАН : Господь Бог!

МИШЕЛЬ : Педофилия ...

СТЕФАН : Господь Бог!

МИШЕЛЬ : Это для начала.

СТЕФАН : Господь Бог !

МИШЕЛЬ : О, чуть не забыл. Две вещи, впрочем, некоторым образом связанные друг с другом: порвать связи с мафией ...

СТЕФАН : Ох!

ГВИДО : И?

МИШЕЛЬ : И оздоровить финансы церкви.

ГВИДО : Просто слезы наворачиваются.

СТЕФАН : Я тоже хотел сказать.

МИШЕЛЬ : Не сдерживайте себя. Если выплакаться как следует, говорят, потом становится легче.

Стефон и Гвидо переваривают сказанное Мишелю и берут себя в руки.

СТЕФАН: Но вы не тронете каноническое право?

МИШЕЛЬ: Почему же? Оно что, неприкасаемое? Каноническое право – не священная корова. Иначе бы все про это знали.

СТЕФАН: Но против вас восстанут все поборники традиции. Это не пройдет. Они будут противиться всем вашим идеям. Вы окажетесь в меньшинстве.

ГВИДО : Впрочем, я не вполне понимаю, что можно подправить в каноническом праве. Оно - гарант стабильности. В нашу абсолютно безумную эпоху стабильность - это магнит, он притягивает заблудшие души, которые вы собираетесь защитить своим мечом.

МИШЕЛЬ : Видите ли, я не полностью разделяю ваше мнение, монсеньер.

Мне кажется, надо перелопачивать те или иные аспекты, чтобы они шли в ногу со временем. Есть разница между стабильностью и окаменелостью.

СТЕФАН : Вы пугаете меня!

МИШЕЛЬ : Вы слишком чувствительны для церемониймейстера.

ГВИДО : Но что же вы хотите изменить? Все ведь хорошо?

МИШЕЛЬ : Ну, я считаю не вполне христианским актом отлучение от церкви женщин, иногда почти девочек, которые сделали аборт после изнасилования. Некоторые из наших собратьев не колеблясь идут на такой шаг, прикрываясь каноническим правом. Такое дополнительное наказание мне не по душе.

СТЕФАН : Но что вы скажете насчет священного права на жизнь? Аборт - это убийство. Ребенок во чреве матери ни в чем не виноват.

МИШЕЛЬ : Аборт - это трагедия. Я не говорю, что надо поощрять его, - естественно, наша роль не в том. Но я намерен слегка реформировать каноническое право в этом вопросе.

ГВИДО : Это никогда не пройдет. Наши дебаты станут для вас крестным путем.

МИШЕЛЬ : Буду нести свой крест. *(Пауза)*. Впрочем, на современный лад.

СТЕФАН : На современный? Иисус уже пронес свой крест две тысячи лет назад.

ГВИДО *(придирчив к датам)* : Чуть больше.

СТЕФАН : Неважно. Не вижу, что тут может быть современного.

МИШЕЛЬ : О, я имел видел в виду не крестный путь, а скорее, скажем, его освещение в СМИ. В конце концов, разве сама церковь - не пример потрясающего маркетингового успеха? Значит, надо просто повысить рентабельность медиа-активов. Термин «рентабельность» - должен прийти к вам по вкусу, монсеньер Фальконе?

ГВИДО : Освещение в СМИ? Не понимаю. Наши дебаты ведутся в закрытом режиме. Ничего «медийного» в них нет. Конечно, если вы объявите горячую тему, то в Ватикан соберутся все журналистские камеры мира. Но поскольку они останутся за стенами, то не увидят, как вас - извините за выражение - будут распинать на кресте всякие традиционалисты.

СТЕФАН : Консерваторы.

ГВИДО : Неважно !

МИШЕЛЬ : Кто вам сказал, что камеры останутся снаружи?

СТЕФАН : Вы же хотите закрыть им доступ в Ватикан?

МИШЕЛЬ : Нет.

СТЕФАН : Вы же не хотите ...

МИШЕЛЬ : Додумайте вашу мысль до конца, монсеньер фон Харден. Вы увидите, вам станет легче, когда она выйдет у вас изо рта.

ГВИДО : Вы же все-таки не хотите ...

МИШЕЛЬ : А, вам тоже пришла эта мысль. Прекрасно. Видите, в конечном счете, я не так одинок.

СТЕФАН : Но все же! Вы же не разрешите камерам снимать наши дискуссии? Это немыслимо.

МИШЕЛЬ : Снимать – и напрямую! Транслировать на всю планету! Как футбольные матчи. Хорошая идея, разве нет? Так вот, я действительно намерен усилить прозрачность и гласность Церкви по некоторым общественно-значимым темам. Кстати, раз уж мы заговорили об отлучении: я включу в повестку дня добавление в каноническое право одной статьи. Видите, я не только отменами занимаюсь. Вы должны быть довольны: количество статей в своде останется тем же. Неизменным. Не застывшим, но стабильным. Не нужно будет менять нумерацию.

Стефан и Гвидо вопросительно переглядываются, потом снова поворачиваются к Мишелю.

МИШЕЛЬ : Женщины, девушки, совсем еще девочки не будут подвергаться отлучению, если они решились на аборт после изнасилования, - но я включу в повестку систематическое отлучение священнослужителей за педофилию. Божественная кара будет в союзе с людским судом. Тогда мы увидим, какие кардиналы осмелятся высказаться против таких резолюций, - не в удобной обстановке закрытых дискуссий, но перед лицом мира, вверенного нам Господом. И голосование, естественно, будет проводиться подъемом руки.

СТЕФАН : Но эти дискуссии займут месяцы, даже годы. Церковь не легка на подъем, инерция – это тоже ее сила.

МИШЕЛЬ : Две недели.

СТЕФАН : Что - две недели?

МИШЕЛЬ : Может, и меньше.

СТЕФАН : Невозможно.

МИШЕЛЬ : Вы что, не верите в чудеса?

СТЕФАН : Невозможно.

МИШЕЛЬ : Да вы увидите. Мы возродим эту прекрасную традицию. Это должно вам понравиться! Мы соберемся конклавом, но с помощью интернета он станет открытым. Дискуссии будут начинаться сразу после заутрени и заканчиваться с закатом. Нас это мало должно заботить, потому что солнце мы вряд ли увидим. Ведь мы будем заперты здесь все вместе. Как в старое доброе время. А в плане пропитания, облегченный рацион будет особо располагать к духовной пище. Вы увидите, монсеньер Фальконе: фрукты, хлеб, вода – это очень здоровая пища. Вы просто

помолодеете. Во всех смыслах.

ГВИДО : Но чего вы хотите добиться этими камерами ? превратить наши дискуссии в Дом-2? Так выглядит, в вашем понимании, Церковь 21 века ?

МИШЕЛЬ : Ну же, успокойтесь. Камеры, естественно, не будут вездесущими, и монашеские кельи будут ограждены от досмотра. Те монашеские кельи, в которых мы все, кстати, будем жить. По трое в келье. Все без исключения.

ГВИДО : Но я же не могу спать с кем попало!

МИШЕЛЬ : Представьте себе, я об этом подумал. Надеюсь, общество Монсеньера фон Хардена вас устроит.

Стефан и Гвидо заговорщицки переглядываются.

ГВИДО: Лучшего невозможно и пожелать.

МИШЕЛЬ: Мне больно это слышать.

СТЕФАН : Неужели?!

МИШЕЛЬ : Я постараюсь быть такой же приятной компанией, как и Монсеньер обер-церемониймейстер, если вы не возражаете против моего присутствия в вашей келье.

ГВИДО : Разумеется, Ваше Святейшество, разумеется. Я не смел надеяться. Это честь.

МИШЕЛЬ : Вот увидите, мы втроем отлично поладим. А я со своей стороны буду спать без задних ног, зная, что я под защитой ближайших сотрудников двух моих несчастных предшественников.

СТЕФАН : Мы будем вас оберегать.

МИШЕЛЬ : Действительно, для всех будет лучше, если наше сотрудничество не выльется в какие-либо досадные последствия для моего здоровья. Учитывая ваше прошлое ...

ГВИДО (*оскорбленно*) : Ваше Святейшество!

МИШЕЛЬ : Впрочем, если со мной что-либо, не дай Бог, случится, я принял меры. Моя последняя воля сформулирована четко: вскрытие должно проводиться двумя патологоанатомами из Парижа. И немедленно начнется следствие. Следователь тоже из Парижа.

СТЕФАН : Но почему?

ГВИДО : Мне также эти опасения кажутся неуместными и преждевременными.

СТЕФАН : И зачем обязательно приглашать (*с плохо скрываемым отвращением*) французов? Итальянцы тоже прекрасно справились бы, разве нет? Или немцы?

МИШЕЛЬ : Итальянская полиция и правосудие в последнее время сильно загружены. Пусть сначала переварят местные дрызги. Кроме того, это же не

Германия, а Франция – старшая дочь Церкви, разве не так? Так что дочери и положено позаботиться о Святом Отце. И потом, если угодно знать, я их уже выбрал.

ГВИДО : Кого же?

МИШЕЛЬ : Своих патологоанатомов и следователя.

СТЕФАН : Они верующие? Воцерквлены?

МИШЕЛЬ : Они высокие профессионалы – вот все, чего я от них требую. Уже неплохо, правда?

ГВИДО : Хорошо, но ведь вы пока не умерли.

МИШЕЛЬ : Замечание тонкое, но справедливое.

ГВИДО : В ожидании этого (*спохватывается и после паузы начинает снова, все больше запутываясь и ухудшая свое положение*). Я хочу сказать, до этого пока далеко. То есть: вопрос абсолютно не актуален. Тогда как ваша идея с прямой трансляцией конклава вполне может превратиться в актуальный репортаж. Пока мы будем совершенно парализованы и заперты здесь, кто займется прочими нашими обязанностями? Как будет гарантировано их исполнение?

МИШЕЛЬ : Земные заботы вполне могут и подождать пару недель. Еще один довод в пользу того, чтобы работать быстро и решать вопросы эффективно. Будем прагматиками. И тогда у нас хватит времени на урегулирование еще одной небольшой заковыки.

СТЕФАН : Еще одна небольшая заковыка... Опять французское понятие?

МИШЕЛЬ : Латинское. Index librorum prohibitorum.

ГВИДО : О чем вы?

МИШЕЛЬ : Вас в семинарии не учили латыни?

ГВИДО : Что вы хотите от Индекса? Вы только что его упоминали, но ...

МИШЕЛЬ : Уф! А то я было уже испугался. Индекс! Пресловутый индекс! Список запрещенных книг. Вредоносны, судя по нему, стихи Бодлера, романы Флобера или произведения Сартра? Эти суждения не кажутся мне достойными нашей Церкви. И пока я затронул только французскую литературу. Если же мы отважимся на вылазку в область всемирной науки, то в этом списке фигурируют и Дарвин, и Коперник. Отвергать из идеологических соображений теорию эволюции и вращение Земли вокруг Солнца! и главное, запрещать католикам иметь на этот счет собственное мнение, - надо же было додуматься до такого. И это сделал Индекс. Мы наведем порядок: выметем все метлой.

СТЕФАН : Но что вы хотите сделать? Сократить Индекс? (*Коварно*) Тогда как современные события подталкивают скорее к тому, чтобы его расширить ...

МИШЕЛЬ : А это мысль, включить в индекс новые книги. Тем более, что

«Майн Кампф» никогда в списках не фигурировал.

ГВИДО : Писатель из Гитлера никудышный.

СТЕФАН : Историческое упущение. Но с этой оговоркой, я вас полностью поддерживаю в вашем новом крестовом походе.

МИШЕЛЬ : А вы, Гвидо, тоже за новый крестовый поход?

ГВИДО : Целиком за. Дело безотлагательное. Вы должны посвятить всю энергию этой жизненно-важной задаче. Нам надо перечесть, составить и актуализировать Индекс. В 1966г. Ватиканом было принято и опубликовано прискорбное решение об отмене индекса запрещенных книг.

МИШЕЛЬ : Действительно. Единственное, что осталось от Индекса, после утраты им нормативного характера и соответствующей цензуры, это функция морального ориентира. Таким образом, индекс еще не вполне мертв.

СТЕФАН (*радостно*): Мы его возродим.

МИШЕЛЬ : Мы его окончательно похороним, да.

СТЕФАН : Что ? Вы хотите покончить с моралью ?

МИШЕЛЬ : Мораль никоим образом не связана с запретом книг. После 2000 -летней истории ...

ГВИДО : Чуть больше.

МИШЕЛЬ : Неважно : христианство вступило в возраст зрелости, вы не находите ? Так что не будем считать нашу паству стадом безмозглых баранов, которым надо говорить, что читать, а что не читать. Индекс запрещенных книг – не только список, но, главным образом, сама концепция индекса и его претензия на функции нравственного поводыря - так вот: все это, дорогой кардинал фон Харден, исчезнет, лопнет как пузырь. Ибо таково значение слова булла. Папская булла: в общем-то дань девятой музе. (*Напевает песню Сержа Генсбура*) И будет пух ! Бабах ! Фью ! Плюх ! Вззззжик !

СТЕФАН : У вас ни за что не получится.

МИШЕЛЬ : Да что вы, вот увидите. Все займет пару недель. После историй с отлучением от церкви все пойдет как по маслу.

СТЕФАН : Невозможно.

МИШЕЛЬ : Невозможно – это не по-нашему, не по-гвиански. И потом вы забываете одну вещь.

СТЕФАН : Какую же?

МИШЕЛЬ : Хронологию.

ГВИДО : Он прав, это может пройти.

МИШЕЛЬ : Монсеньер Фальконе, вы любитель истории, думаю, вы уловили

суть.

ГВИДО : Это будет третье и последнее поприще, по поводу которого нам придется высказаться, правда?

МИШЕЛЬ : Я вижу, что Монсеньер Фальконе следит за моими рассуждениями.

ГВИДО : Пройдет.

СТЕФАН : Как вы смеете такое говорить ? Никогда такое не пройдет.

ГВИДО : Пройдет. Поможет обмен веществ.

СТЕФАН : Обмен веществ?

ГВИДО : Все кардиналы, без исключения, все – и вы тоже захотите выйти из конклава. Они сдадутся, не выдержат сухофруктов, сухарей и теплой воды. И жизни скопом.

МИШЕЛЬ : Видите, мой голос – отнюдь не глас вопиющего в пустыне. Даже Монсеньер Фальконе обратился в мою веру.

ГВИДО : Скорее поверил в вашу стратегию.

МИШЕЛЬ : Это начало.

ГВИДО : Я поражен вашей откровенностью. Вот так раскрыть нам свои намерения. Благодарю вас за такое доверие.

МИШЕЛЬ : Разве не лучше друг другу говорить все?

ГВИДО : И ничего не скрывать?

МИШЕЛЬ : Звучит новаторски, да? Но и доверие имеет границы. Теперь я хотел бы переодеться. В одиночестве.

ГВИДО : Это не принято.

МИШЕЛЬ : Когда-то все было внове.

СТЕФАН : Монсеньер Фальконе прав. Это против обычаев. Что скажут другие кардиналы, когда увидят, что мы выходим без вас?

МИШЕЛЬ : Могут забеспокоиться, да? *(Пауза)* Даже подумать плохое ... Ну так скажите им, что со мной все в порядке. *(Пауза)* А то они привыкли к дурным новостям.

СТЕФАН : Но Ваше Святейшество, моя обязанность - одеть вас, облачить вас в мантию вашего понтификата ...

МИШЕЛЬ : Слушайте меня хорошенько – и оба: я намерен одеваться самостоятельно. Наполеон прекрасно сам себя короновал, и ничего страшного не случилось, правда? Можете считать это французской прихотью. Можете даже сказать, что это такая гвианская привычка, если так легче скормить это вашим коллегам. Безобидный заскок – перед тем, как в полной мере заняться всемирным служением.

СТЕФАН : Прозрачность процесса требует того, чтобы я остался с вами,

вдали от посторонних взглядов.

МИШЕЛЬ : Оригинальные у вас взгляды на прозрачность. Иезуитские. Я со своей стороны абсолютно прозрачно изложил вам свои взгляды, и, кстати, возможно как раз потому, что я не замалчивал некоторых тем – меня в конце концов и выбрали. Чтобы претворить их в жизнь. Блестящая победа после 42 туров голосования. А в остальном, я уверен, что в Риме есть места стриптиза гораздо более пикантные, чем комната слез.

СТЕФАН : Ваше Святейшество!

МИШЕЛЬ : Мне что, заставить вас клясться, что вы не знаете адресов? Не надо? Ладно. Тогда выйдите немедленно, пока я не передумал, и возвращайтесь через полчаса.

Гвидо и Стефан направляются к двери. Гвидо открывает дверь и выходит. Стефан оглядывается.

СТЕФАН : Ваше Святейшество ...

МИШЕЛЬ (*знаком приказывая ему удалиться*) : Extra omnes.

Стефан выходит и закрывает дверь.

Мишель провожает его взглядом и еще несколько секунд задумчиво смотрит на дверь, - то ли, чтобы убедиться окончательно, что он ушел, то ли размышляя о характере этого человека.

МИШЕЛЬ : Хоть этот не позабыл азов латыни (*Пауза*). Ну, теперь пора.

Мишель направляется к шкафу. Он волнуется, секунду медлит прежде, чем открыть его, - ведь это начало новой жизни. Наконец, открывает и в изумлении отступает назад.

МИШЕЛЬ: Что такое? Что вы здесь делаете? Выходите! Немедленно выходите!

СОФИЯ (*робко выходит из шкафа*): Простите, я не хотела вас испугать.

МИШЕЛЬ : Кто вы? Что вы делаете в этом шкафу? Вы журналистка и шпионите за выборами папы, да?

СОФИЯ : О нет, что вы, вовсе нет, не думайте так!

МИШЕЛЬ : Немедленно скажите мне, кто вы такая. Или я позову охрану.

СОФИЯ : Только не это, они меня и так повсюду ищут.

МИШЕЛЬ (*удивленно*): Объяснитесь, и постарайтесь говорить ясно.

СОФИЯ : Умоляю вас, Ваше Святейшество.

МИШЕЛЬ : Откуда вы знаете, что я новый понтифик? Вы подслушивали?

СОФИЯ : Я услышала невольно. Я здесь сижу с прошлой ночи, спряталась прямо перед тем, как камерлинг впустил всех кардиналов в Сикстинскую Капеллу. А поскольку потом все закрыли на ключ, мне было не выйти. Ой, чуть не забыла: поздравляю вас с избранием, Ваше Святейшество,

Искренне.

МИШЕЛЬ : И вы тоже.

СОФИЯ : Что?

МИШЕЛЬ : Но вам еще надо доказать вашу искренность. Кто вы, в конце концов?

СОФИЯ : Меня зовут София. Я бухгалтер. Бухгалтер в Банке Ватикана.

МИШЕЛЬ : И что вы тут делаете?!? В шкафу банкоматов нет!

СОФИЯ : Курия меня всюду разыскивает. Я здесь спряталась.

МИШЕЛЬ : Слушайте, я ничего не понимаю в том, что вы мне рассказываете. Я думаю, что лучше всего мне теперь позвать гвардейцев и еще врача, чтобы вас осмотрели.

СОФИЯ : Нет, заклинаю вас, не делайте этого. Вы про меня не слышали? Даже имени? Не знаете, что меня разыскивают?

МИШЕЛЬ : Говорю вам, я ничего не понимаю. И вообще, с тех пор, как я приземлился, плюс смена часового пояса, трансфер в капеллу, - где мне было читать газеты. Я просмотрел только одну из них, и вас там не было. Вы опасный преступник?

СОФИЯ : Ваше Святейшество, я не опасный преступник.

МИШЕЛЬ : Это успокаивает. Значит, мелкая преступница?

СОФИЯ : Не думаю. Просто я знаю вещи, которых... Лучше бы мне не знать.

МИШЕЛЬ : Неудивительно! Если вы прячетесь в шкафах и подслушиваете...

СОФИЯ : О, вы совсем не то подумали!

МИШЕЛЬ : Относительно вас я пока ничего не думаю. Но готов выслушать. И заодно вас услышит Бог.

СОФИЯ : Что мне делать? Что же мне делать? Я пропала.

МИШЕЛЬ : Доверьтесь мне.

СОФИЯ : Значит, это вроде исповеди?

МИШЕЛЬ : Так ведь проще всего? В конце концов, ведь эта ризница прекрасно подходит для исповеди?

СОФИЯ : Не знаю. Я сто лет не исповедовалась. И я боюсь. Я так боюсь.

МИШЕЛЬ : Меня? Вы сами меня здорово напугали, когда я открыл шкаф.

СОФИЯ : Я нечаянно, Ваше Святейшество. Уверяю вас. Но только теперь я боюсь. Я в ужасе.

МИШЕЛЬ : Ну что вы! Чего вы боитесь?

СОФИЯ : Они убьют меня, если я все расскажу.

МИШЕЛЬ : Возможно, вы преувеличиваете без всяких на то оснований.

СОФИЯ : Ох нет, поверьте мне. Они уже так делали. Они убьют меня. Если я скажу то, что знаю. А если я скажу вам, они и вас убьют.

МИШЕЛЬ : Кто же это?

СОФИЯ : Они!

МИШЕЛЬ : Вы помните, как говорил Иоанн-Павел II ? « Не бойтесь » : эти слова изменили облик мира. Они разрушили стену, стену позора, так что...

СОФИЯ : Вообще-то этот папа заработал пулю.

МИШЕЛЬ : Но он выжил. А стена исчезла.

СОФИЯ : Мне все-таки страшно. Чуть меньше, но все-таки страшно.

МИШЕЛЬ : Я рядом и я защищу вас.

СОФИЯ : Мне немного спокойней, когда вы со мной говорите. Когда вы рядом. Я слышала вас только что. Ну, я не слушала специально, но как не услышать? Вы вправду хотите все это сделать? Это не шутка?

МИШЕЛЬ : Я похож на шутника?

СОФИЯ : Ну тогда ...

МИШЕЛЬ : Ну тогда ?

СОФИЯ : Вы воспринимаете вещи так легко. Такие трудные вещи.

МИШЕЛЬ : И потому я шутник?

СОФИЯ : Я не умею сказать. Вы меня смущаете.

МИШЕЛЬ : Не знаю, дозволено ли мне вас смущать. Тем более что это не лишено приятности. Тем больше грех на мне, - да ладно! Что я могу поделать?

СОФИЯ : Ваше Святейшество ...

МИШЕЛЬ : Зовите меня Мишелем.

СОФИЯ : Как ?

МИШЕЛЬ : Ну да, надо же мне привыкнуть, так что зовите меня Мишелем.

СОФИЯ : Звать по имени ? Я никогда не осмелюсь.

МИШЕЛЬ : Во-первых, это мое новое имя, и вообще, теперь это и мое имя, и фамилия. Так что ...

СОФИЯ : А номер какой?

МИШЕЛЬ : В смысле?

СОФИЯ : Мишель I...

МИШЕЛЬ : Я не тороплюсь привести к власти второго. Так что зовите меня просто Мишель, без номера, по-простому. Теперь вы меньше смущаетесь?

СОФИЯ : Не уверена.

МИШЕЛЬ : Тем лучше! *(Пауза)*. Попробуйте.

СОФИЯ : Ми... Ваше Святейшество : у меня ни за что не получится!

МИШЕЛЬ Ну давайте, попробуйте еще раз! Упорствуйте и вам воздастся.

СОФИЯ : Это из Библии?

МИШЕЛЬ : Практически да : это я сам придумал.

София смеется.

СОФИЯ : Видите, вы шутите.

МИШЕЛЬ : Это снимает напряжение. Ну, кто я для вас ?

СОФИЯ *(берет себя в руки, но все же робеет)* : Мишель ...

МИШЕЛЬ : Ну вот. *(пауза)*. София. *(Пауза)*. Вы позволите мне называть вас Софией ?

СОФИЯ *(улыбается ему)* : У меня нет никакого выбора.

МИШЕЛЬ : Вам сколько лет?

СОФИЯ *(игриво, даже со смехом)* : Вот так вопрос в лоб *(Пауза)*. Сколько вы мне дадите ?

МИШЕЛЬ : 43 года.

СОФИЯ *(в изумлении)* : Ух ! У вас точный глаз. Но почему такая цифра ?

МИШЕЛЬ : Мне нравятся простые числа и у меня слабость к нечетным. 43 вам очень подходит.

СОФИЯ : Я думала, выгляжу моложе. На самом деле, я думала, что выгляжу на свой возраст. Видимо, работа бухгалтером в Ватикане приводит к преждевременному старению. Мне 41. Могли бы выбрать и это число. 41 удовлетворяет вашим критериям: простое и нечетное.

МИШЕЛЬ : Надо было выбрать его, извините за ошибку. Но честное слово, у вас хороший цвет лица для зрелой женщины.

София снова смеется.

СОФИЯ : Умеете вы сказать. *(Пауза)*. Мишель.

МИШЕЛЬ : Право, простите меня. Я неловок. Я много лет как разучился общаться с женщинами.

СОФИЯ : Это как езда на велосипеде. Невозможно полностью разучиться тому, что ты научился делать. И навык быстро возвращается.

МИШЕЛЬ : У вас есть дети?

СОФИЯ : У вас молниеносные ассоциации.

МИШЕЛЬ : Как вы сказали?

СОФИЯ : Нет. *(Пауза)*. Нет, у меня нет детей, не было времени.

МИШЕЛЬ : Время можно найти.

СОФИЯ : Вы всегда такой?

МИШЕЛЬ : Какой ? О, простите. Я хотел сказать, вы привлекательны.

СОФИЯ : Для зрелой женщины.

МИШЕЛЬ : Вы привлекательны внутренне.

СОФИЯ : Спасибо. Очень милые слова.

МИШЕЛЬ : Я уверен, что ваш муж ...

СОФИЯ : Я никогда не была замужем.

МИШЕЛЬ : Я тоже . То есть не был женат . Но у меня другое, а вы. Простите за любопытство.

СОФИЯ : Это почти что исповедальня, и значит, все останется в тайне, правда?

МИШЕЛЬ : Почти что.

СОФИЯ : Любопытство наверняка пригодится вам и после того, как вы переступите этот порог. Я так боюсь того, что мне стало известно. И вашего любопытства тоже боюсь.

МИШЕЛЬ : Вы позволите мне говорить прямо ?

СОФИЯ : Могу ли я вам запретить ?

МИШЕЛЬ : Можете.

СОФИЯ : Допустим. Я отказываюсь от этого права. По крайней мере, пока. Задавайте вопрос, пожалуйста. Прямой вопрос.

МИШЕЛЬ : Вы остановите меня ?

СОФИЯ : Надеюсь, мне не придется вас останавливать.

МИШЕЛЬ : Вы никогда не влюблялись ?

СОФИЯ (*немного сбита с толку, но держится*) : Не вижу, причем тут ...

МИШЕЛЬ : У вас кто-то есть ? Сейчас в вашей жизни кто-то есть ?

СОФИЯ : Никого. Но при чем тут ...

МИШЕЛЬ : Мне нужно вам верить, София. Чтобы я поверил в то, что вы мне расскажете о ваших страхах, о банке, о причинах вашего бегства и попытке спрятаться здесь, мне нужно верить вам во всем, София.

СОФИЯ : У меня нет никого. Говорю вам, у меня никого нет.

МИШЕЛЬ : Вы лжете.

СОФИЯ : Как вы смеете ?

МИШЕЛЬ : Кто-то живет в вашем сердце, кто-то его занимает. Все в вас говорит об этом. Кричит! И этот кто-то – не Бог, Его я бы распознал. Вы лжете.

Мишель направляется к двери.

СОФИЯ : Что вы делаете?

МИШЕЛЬ : То, что должен был сделать с самого начала, - зову гвардейцев. Будете объясняться с ними.

СОФИЯ : У меня никого нет. Теперь у меня никого нет. Мое сердце высохло. Вот: вы это хотели услышать?

София на грани слез, но борется с собой и преодолевает плач. Слезы не должны пролиться. Они потекут в пьесе только один раз. Мишель довольно долго смотрит, как София борется со слезами.

МИШЕЛЬ (ласково, с огромным пониманием и сочувствием): Вы мужественная женщина.

СОФИЯ (не может ничего сказать и прячется за этой фразой, как за укрытием) : У меня никого больше нет.

МИШЕЛЬ: Кто-то всегда есть. Даже когда никого не осталось.

СОФИЯ (гневно и пристально смотрит на него): Вы Бога мне, что ли, решили подсунуть, да? Не выйдет.

МИШЕЛЬ (после довольно продолжительной паузы, произносит эти слова с нежностью, глядя на Софию с искренним состраданием): Вы наверно ужасно его любили. Безумно.

СОФИЯ : Кого?

МИШЕЛЬ : Того, чьим отсутствием полно ваше сердце. До краев.

СОФИЯ : Да что вы во всем этом понимаете? Ничего вы не знаете. Так что перестаньте меня мучить. Времена инквизиции прошли. Да, я любила. Но все в прошлом. Так что перейдем к другой теме.

МИШЕЛЬ : А ребенок?

СОФИЯ : Я вам сказала: у меня нет детей.

Мишель снова направляется к двери.

СОФИЯ (не плачет) : Стойте. (Пауза) Стойте. (Пауза) Я вам не лгу. У меня нет детей. Он не хотел, он мне сразу сказал. А потом, все случилось, и... Когда я ему сказала, когда он меня увидел, он... Он меня... Ужаснее всего были его слова. Он... Он сказал, что я его использовала, что я хотела его поймать, что я его обманула, что я... я... Он бросил меня. Я умоляла его остаться. Он ничего не хотел слушать. Мне было страшно. Я не знала, что делать. Я... Я избавилась от ребенка... Как больно было... Не тогда, когда я спицами... Я хотела вернуть его... Но даже после он не вернулся. Он вообще не хотел слышать обо мне. Он говорил, что я убила жизнь. Он был очень набожный. Я внушала ему отвращение. И с тех пор ...

МИШЕЛЬ : Мне очень жаль.

СОФИЯ : Вы получили то, чего хотели.

МИШЕЛЬ : Простите меня.

СОФИЯ : Я никому не рассказывала. Это не должно пойти дальше вас. Вы ничего не скажете?

МИШЕЛЬ : Ничего не скажу.

СОФИЯ : Что вы сделаете?

МИШЕЛЬ : Я не позову гвардейцев.

СОФИЯ : Нет, я имела в виду ... что вы со мной сделаете? Отлучите от церкви?

МИШЕЛЬ : Нет. Ни у кого нет права вас судить.

СОФИЯ : А как же ... Я хотела сказать ...

МИШЕЛЬ (*угадал*) : Бог?

СОФИЯ : Да.

МИШЕЛЬ : Беру на себя. Я буду молиться за вас. Бог милосерден. Он видит души насквозь. Он даст вам свое прощение. (*Пауза, потом меняет тон на более легкий*) Так вы что, верите в Бога ? Вот бы не подумал.

СОФИЯ : Крещена, прошла конфирмацию, не замужем.

МИШЕЛЬ : Словом, по церковной линии все в порядке.

София грустно улыбается.

СОФИЯ : В общем, да, Ваше Святейшество.

МИШЕЛЬ : Не забывают : Мишель.

СОФИЯ : Мишель.

МИШЕЛЬ : София ?

СОФИЯ : Да ?

МИШЕЛЬ : Я помолюсь за то, чтобы вы сами себя простили.

СОФИЯ : Простила себя ...

МИШЕЛЬ : Я буду молиться, чтобы вы приняли жизнь. И снова открыли свое сердце. Или хотя бы приоткрыли его. Вы привлекательны, говорю вам. Это не мимолетная прелесть, нет. Ваша привлекательность в другом: в испытаниях, которые вы прошли, в страданиях, которые вам выпали, в трудах, которые вынесли. Вы пронесли этот крест. Вы сильная женщина. Будьте же еще и смелой. Простите себе, заклинаю вас. Сбросьте балласт. Расчистите немного места в вашем сердце, а потери, все потери, сложите в одну коробку. Закройте эту коробку и не заглядывайте туда без крайней нужды. Но потом не забывают запереть ее на ключ после каждого визита. Осмейтесь быть красивой. В вас есть на это силы.

СОФИЯ : Я не знаю.

МИШЕЛЬ : Я все-таки специалист по человеческим душам. Перед вами профи.

София смеется.

СОФИЯ : Я попробую.

МИШЕЛЬ : Пройдитесь немного, пожалуйста.

СОФИЯ : Прошу прощения?

МИШЕЛЬ : Не вижу повода.

СОФИЯ : Нет, я хочу сказать : зачем вам надо, чтобы я теперь перед вами ходила?

МИШЕЛЬ : Допустим, это научный опыт.

СОФИЯ : Не понимаю.

МИШЕЛЬ : А пути Господни неисповедимы. И не боясь показаться нескромным, я могу сказать, что по некоторым пунктам мы с ним схожи. Пройдитесь, пожалуйста.

София колеблется.

МИШЕЛЬ : Прошу вас, София, доставьте мне такое удовольствие.

София делает несколько шагов к Мишелю. Тот рукой показывает ей развернуться и сделать еще несколько шагов в обратную сторону. Она подчиняется, потом снова разворачивается к Мишелю.

МИШЕЛЬ : Так и знал.

СОФИЯ : Что именно?

МИШЕЛЬ : Вы обладаете именно тем типом привлекательности, к которому я мог бы быть неравнодушен.

СОФИЯ : Могли бы?

МИШЕЛЬ : Ну да - «мог бы». Я должен сопротивляться соблазну, не забывайте. Однако ваша привлекательность неоспорима, ну – то есть для мужчины моего типа.

СОФИЯ : Вы что ... ухаживаете?

МИШЕЛЬ : Если бы имел возможность, - непременно стал бы, поверьте мне. На мой взгляд, у вас есть одно неоспоримое достоинство.

СОФИЯ (*заинтригована*) : Я знаю, любопытство - страшный порок, но мне интересно знать, что вы там такое уловили, и в чем эта моя привлекательность.

МИШЕЛЬ : Нулевой угол.

СОФИЯ : Простите !!?

МИШЕЛЬ : Эй, это становится привычкой. Одна просьба о прощении – еще ничего, но...

СОФИЯ : Это только вторая.

МИШЕЛЬ : Поживем-увидим.

СОФИЯ : Что это за истории с нулевым углом?

МИШЕЛЬ : Возможно, это удивит вас ...

СОФИЯ (*прерывает его*) : Ну и пусть! Говорите.

МИШЕЛЬ : Так вот, я нахожу, что очарование женщины обратно пропорционально углу, который образуют ее ноги при ходьбе. Американки ходят по-утиному, вы заметили? Видимо, синдром Дональда Дака. Вследствие этого получаем простейшее уравнение : большой угол = шарм, как у кряквы. Но вы ходите, соблюдая гармоничную параллельность обеих ног. Угол между ними составляет ноль градусов. Оптимально. Лучше не бывает. Вот теперь: скрестите ноги так, как будто ждете автобуса.

СОФИЯ : Простите?

МИШЕЛЬ : Вот и троица. Три раза извинились. Теперь на пять минут перестаньте извиняться и давайте-ка скрестите ноги, как будто вы стоите и ждете автобуса на остановке. Доставьте мне удовольствие во второй раз.

СОФИЯ (*стоя, по-женски скрещивает ноги, ставя правую ступню параллельно левой*): Интересно, что будет за третье удовольствие.

МИШЕЛЬ : Чудесно. Видите?

София смотрит на свои ноги.

МИШЕЛЬ (*назидательно*) : Вы видите, что даже в такой женской позе ожидания ваши ноги сохраняют взаимную параллельность. Ни одна американская утица на такой подвиг не способна. (*Пауза*) Вы уже красивы, София. (*София улыбается*) По крайней мере, на мой взгляд.

СОФИЯ : Ну, хоть что-то. В конце концов, вы умеете говорить с женщинами – но используя совершенно поразительные приемы. Эта история про углы – она вам уже помогала добиться успеха?

МИШЕЛЬ : Простите?

СОФИЯ : Открываем счет?

МИШЕЛЬ : Простите?

СОФИЯ : И - два.

МИШЕЛЬ : Извините меня.

СОФИЯ : Ну что ж, можно считать, что это три. Так как же?

МИШЕЛЬ : Вы хотите сказать - эээ ...

СОФИЯ : Да, я хочу сказать - эээ ... Ну так как же, вы были близко знакомы с женщинами до того, как дали обет воздержания? Хотя, если говорить о женщинах, тут дело вкуса, может, вас как раз привлекают, наоборот ...

МИШЕЛЬ : Могу вас заверить, что вкусы мои вполне традиционны.

СОФИЯ : Традиция, царящая в вашей среде ... В этом аспекте ...

МИШЕЛЬ : Вы что, исповедовать меня собрались?

СОФИЯ : Это не в моей компетенции. Но я тоже хотела бы знать, можно ли вам довериться. То, что мне надо сказать, опасно. Я рискую по-крупному, если ошибусь на ваш счет. Возможно, рискую жизнью.

МИШЕЛЬ (*довольно долго раздумывает, взвешивает за и против того, чтобы все раскрыть*) : Я попрошу вас об одном. Поклянитесь на том, что у вас самого дорогого, что вы не повторите никому, никогда, ничего о том, что я вам сейчас скажу.

СОФИЯ : Вот с этим проблема.

МИШЕЛЬ : В таком случае ...

СОФИЯ : У меня нет ничего « самого дорогого ».

МИШЕЛЬ (*довольно долго молчит, потом решается*) : Протяните ко мне ладони (*София нерешительно протягивает к нему руки*). Смотрите мне в глаза, София (*София смотрит на него*). Просто скажите, что вы навсегда сохраните молчание о том, что я вам сейчас скажу.

СОФИЯ : Вам хватит моего слова?

МИШЕЛЬ : Я иду на риск. (*Пауза*) Да, мне хватит слова.

СОФИЯ : Даю вам слово. Я не скажу никогда, ничего и никому.

МИШЕЛЬ : Я верю вам.

МИШЕЛЬ (*после долгого молчания Мишель приступает к исповеди*) : Это было в Польше. Я ездил туда за несколько месяцев до рукоположения. Дописывать диссертацию по теологии. Я уехал из Южной Америки, залитой солнцем, и впервые в жизни оказался в стране, где все казалось тусклым. Дело было январским днем. Я помню, шел снег. В четыре часа дня уже темнело. Я работал в Варшавском университете. В библиотеке. Изучал одну миниатюру в фолианте 15 века. Он пережил время, войны. Чудо. Патриция сидела рядом. Она тоже работала в отделе старинных рукописей. Мы говорили о книгах, о религии. А потом о цветах, и я не знал... Не мог представить, что в такой стране могут расти такие прекрасные цветы. Ей было 28 лет. Она показала мне свой город. Совсем другой город. Цветочные магазины. Которые прятались в станциях метро, чтобы скрыться от полярной стужи. Зима же стояла. Но мне было жарко, поверьте. Мы встречались каждый день все шесть месяцев. Мы обошли весь город. Проспекты, улицы. Дворец «на воде», Бельведер, концерты Шопена весной в парках. И за город тоже ездили. Она меня... (долго молчит) Я заколебался, я усомнился в своем выборе, признаюсь. Я думал даже отказаться от всего этого, уйти из семинарии. Выбрать иную стезю... Я думал начать жить. Найти счастье вместе с ней. Вера моя не пошатнулась, неизменной была и любовь к Богу – требовательному, неотступному... Патриция... Патриция все это чувствовала. Все эти внутренние вопросы, переживания. Она все это ощущала. Она... Она пощадила меня... Я нашел... Письмо лежало на столе в моей комнате. Патриция исчезла за 10 дней до

окончания моей стажировки в Варшаве. Оставив мне это письмо. Я и теперь его храню. Оно всегда со мной. Куда бы я ни шел.

СОФИЯ : Вы встречались еще с этой женщиной – с Патрицией?

МИШЕЛЬ : Нет. Никогда.

СОФИЯ : Вы не пытались узнать, что с ней стало?

МИШЕЛЬ : Я боялся, что не внесу это испытание. И предпочел не знать. Я струсил. И потом ... Время сделало свое дело. Я выбрал Бога.

СОФИЯ : А если бы Церковь разрешила священникам жениться, вы думаете, от этого стали бы худшим священником? Худшим папой?

МИШЕЛЬ : В то время догма не допускала этого. Получить лучшее и в этом мире, и в ином - одновременно невозможно. Вопрос не стоял.

СОФИЯ : Но теперь-то, когда вы решили за две недели покончить с отлучением от церкви женщин, совершивших аборт после изнасилования, и наоборот, отлучить священников-педофилов и отменить индекс запрещенных книг, - вам не кажется, что можно накинуть недельку и как-то урегулировать вопрос женитьбы для священнослужителей?

МИШЕЛЬ : Я и правда подумываю взяться за это дело. Но не в первый год. Нужно дать кардиналам переварить первую волну реформ. А вот насчет второго года – не буду зарекаться. Я не хочу, чтобы другим приходилось так же, как мне когда-то, выбирать между убеждениями и полноценной мужской жизнью. Я не слепец. У Церкви много священников, имеющих тайные семьи, у них есть дети, живущие таясь, во лжи, хотя они-то ничего плохого не совершили. Я хочу избавить этих детей от боли, которую они испытывают, слыша, как чужие люди говорят «Отец мой» – их отцам, которых официально у них нет. Я хочу защитить сердце этих детей, они тоже творения божьи.

СОФИЯ : А что ваше собственное сердце – до краев полно одной лишь любовью к Богу? Целиком? Или же в нем тоже угнездилась пустота? Антиматерия?

МИШЕЛЬ : Вы жестоки.

СОФИЯ : От вас научилась. Так как же?

МИШЕЛЬ (*Помолчав*): Мое сердце - как кусок кремня, который иногда находишь на пляже, знаете? Иногда повезет, и найдешь его. Кремень никогда не бывает ровным и гладким. Кремень – он другой. Плотный, угловатый камень, он колется и царапает, и его тоже ломают и оббивают. Это камень, весь состоящий из граней, провалов и шишек. Острие, грань и шишка... Все это... Все это формирует камень. Все это дает ему силу и характер. Теперь вы знаете мое сердце. Кремень.

СОФИЯ : Значит, и у него есть шишки.

МИШЕЛЬ : Да. Давно я не заходил на эту «нейтральную полосу», София.

СОФИЯ : Кремень - это еще источник искры.

МИШЕЛЬ (*Пауза, неотрывно смотрит на Софию*): При некоторых обстоятельствах - да.

СОФИЯ (*Пауза*). Спасибо.

МИШЕЛЬ : Вы верите мне? Вы мне доверяете?

СОФИЯ : Да.

МИШЕЛЬ : Хотите, я поклянусь на Библии? На Священном Писании?

СОФИЯ : Отчего мне в вас сомневаться? Нет желания. Нет смысла клясться на Библии или на Евангелии. (*Пауза*) К тому же я не уверена, что в этом случае вы поклянетесь самым дорогим.

Мишель и София испытующе смотрят друг на друга и улыбаются - печально, но без горечи.

МИШЕЛЬ : Спасибо, София. (*Пауза*) А теперь расскажите мне о ваших банковских неприятностях.

СОФИЯ : Это вопрос денег. Больших денег. Никак не связано ...

Дверь внезапно открывается, и в ризнице появляются Гвидо и Стефан.

СТЕФАН : Женщина ???

МИШЕЛЬ (*Оборачиваясь к Софии и оглядывая ее с головы до ног*): Вне всякого сомнения. (*Поворачиваясь к Стефану*) Вы наблюдательны.

ГВИДО: Это она! Та, что повсюду ищут. (*поворачивается к двери*) Гвардейцы !

МИШЕЛЬ : Монсеньер Фальконе, перестаньте орать и закройте дверь.

Мишель смотрит на Гвидо и укрощает его взглядом, без единого слова. Продолжительное немое противостояние. Гвидо выполняет приказ.

МИШЕЛЬ : Спасибо. (*Долгая пауза*). Неужели ватиканские обычаи вытеснили элементарные правила общежития? Вас никто не учил стучать прежде, чем войти? Ваше воспитание оставляет желать лучшего.

ГВИДО : Нам слышались крики, доносящиеся отсюда.

МИШЕЛЬ : Вам теперь мерещатся голоса?

СТЕФАН : Мы подумали, вам сделалось плохо. Такое уже случалось, понимаете? Мы хотели успеть вовремя.

МИШЕЛЬ : Вы что-то стали слишком много думать. Обычно это вам не свойственно. И многовато берете на себя, на мой взгляд. Хотя в этом как раз у вас есть приличный опыт ... Господа, я предупрежу вас, когда надумаю падать в обморок. Вы узнаете об этом первыми. Но в данный момент здоровье мое отменное. Сударыня беседовала со мной. (*Повернувшись к Софии, очень по-доброму, Мишель добавляет*) И я ей за это очень благодарен.

ГВИДО : Но как она сюда вошла?

МИШЕЛЬ : Силой Святого Духа.

СТЕФАН : Кто она такая?

ГВИДО : Это София. Она оказалась недостойна оказанного ей доверия. Слила информацию журналистам.

СОФИЯ : Неправда!

ГВИДО : Так это вы! Это вы все рассказали!

СОФИЯ : Неправда! Я ничего не говорила!

ГВИДО : Она прирожденная лгунья! Нельзя верить ни слову, сказанному этой змеей.

СОФИЯ : Неправда! Говорю вам, все не так.

МИШЕЛЬ (к Софии) : Успокойтесь, София, я здесь, рядом с вами. (Поворачивается к Гвидо) Монсеньер Фальконе, расскажите-ка мне об этих разоблачениях ...

ГВИДО : Сплетни для бульварной прессы. Всякая дрянь.

МИШЕЛЬ : Господь вездесущ, знаете ли. Всякая низость дойдет до него. И потом я тоже люблю время от времени наводить справки о всяких проказах, реальных или вымышленных, моей паствы. Кстати, это напомнило мне о том, что нужно указать мой новый адрес.

СТЕФАН : Кому? Через двадцать минут весь мир будет знать, что вы живете в Риме.

МИШЕЛЬ : Не в Риме, монсеньер фон Харден. Не в Риме. В Ватикане. Но уверяю вас, служба доставки подписного журнала Closer не перепутает.

СТЕФАН : Closer ? Французский еженедельник?

ГВИДО : Журнал, который опубликовал новость о том, что французский президент ...

МИШЕЛЬ : Он самый. На скутере! В каком-то смысле это было очень по-итальянски. Скутер ... Но этим сходство между двумя соседними странами исчерпывается.

ГВИДО : Как прикажете это понимать?

МИШЕЛЬ : Да так... Ни один итальянец так и не уяснил назначение шлема. Так вот, именно журналисты из Closer, определили, кто был человек, подвозивший горячие круассаны... В шлеме и в строгом деловом костюме ... Одной очаровательной белокурой актрисе.

СТЕФАН : И вы читаете такое?

МИШЕЛЬ (скромно) : Ага.

СТЕФАН : И вы прикажете доставлять журнал сюда?

МИШЕЛЬ (*скромно*) : Ага. Если повезет, он будет у меня как раз вовремя. А не после драки. В Гвиану журнал доходил на неделю позже, чем в метрополию. Позор. Я даже написал издателям жалобу. На официальном бланке. Они не поверили, и ничего так и не изменилось. Вы не думаете, что мне стоит слегка намекнуть на это – в речи, которую я буду сейчас говорить с балкона?

СОФИЯ : Теперь на пути Closer не будет лежать океан. Вы станете ближе друг другу. Позвольте посоветовать вам повременить?

ГВИДО : Нечего ее слушать. Ее место в тюрьме. Я зову гвардейцев.

МИШЕЛЬ : Вы поаккуратней с вызовом гвардейцев, монсеньер Фальконе.

ГВИДО : Как это по... (*спохватывается*) Почему вы так говорите?

МИШЕЛЬ : Мне бы очень хотелось понять, что там узнали эти журналисты. И потом, о какой газете речь?

ГВИДО : Да о Каррера де ла Сера. Там у нее брат работает.

СОФИЯ : Я ничего не говорила брату. Ничего не говорила журналистам.

ГВИДО : Да ну? И как тогда они узнали? Вы настучали брату, чтобы набить себе цену и поставить Церковь в ужасное положение. Вы преступница. Сознайтесь!

СОФИЯ (*кричит, на грани слез, но не плачет*) : Это неправда.

МИШЕЛЬ : Ничего не бойтесь, София. Я вам верю. (*К Гвидо*) Я прочел в самолете газету, о которой вы говорите. Там действительно есть заметка про некоего кардинала. На этот раз новость не пришла ко мне с недельным опозданием. Газета прибыла в Париж утренним рейсом из Рима. Это вы про эти несколько строчек говорите?

ГВИДО : Их написал ее брат. Он готовит гораздо более серьезную статью на следующей неделе. Мы в курсе.

МИШЕЛЬ : Да уж, вы мастер собирать информацию. Очень короткая статья, но сразу привлекает к себе внимание (*к Софии*) --- Это у вас, должно быть, семейное --- (*К Гвидо*) В заметке говорилось про некоего кардинала, который живет в весьма стесненных обстоятельствах. На площади в 250 квадратных метров, в Риме. Вы догадываетесь, о ком речь, монсеньер Фальконе?

Гвидо хранит молчание.

МИШЕЛЬ : Мне говорили ...

ГВИДО (*прерывает его*) : Кто? Она?

София хочет ответить, но Мишель опережает ее.

МИШЕЛЬ : Нет. Возможно, Closer и доходит до Французской Гвианы с недельным опозданием, но поверьте мне, новости относительно Курии летят со скоростью света. И без помощи Софии. (*Пауза*). Мне сказали, что

монсеньер дель Пьеро в последнее время хворает... Говорят, он не в лучшей спортивной форме.

СТЕФАН : Он идет на opravку. Риск был велик, но теперь ему лучше. Он восстанавливается после инфаркта в одном из наших аббатств.

МИШЕЛЬ : Тем лучше, тем лучше, тем лучше ... Сколько он там времени пробыл в больнице? У меня нет памяти на числа. Ни на числа, ни на даты.

СТЕФАН : Точно не знаю.

МИШЕЛЬ : Я уверен, у монсеньера Фальконе все учтено.

ГВИДО : 9 месяцев и 21 день.

МИШЕЛЬ : Вот именно! Каждый раз поражаюсь вашей точности, Монсеньер Фальконе. Всегда поражался тому, как легко вы манипулируете цифрами. Например, если бы я вас спросил, просто так, с бухты-барахты, сложить 250 и 123, что бы вы мне ответили?

ГВИДО : 373.

МИШЕЛЬ : Поразительно! И еще, мне кажется, я что-то позабыл. Например, 87 плюс 62 в сумме дают?

ГВИДО : 149.

МИШЕЛЬ : Изумительно. 373 и 149. Красивые числа, правда? И нечетные, и простые. (*Оборачиваясь к Софии*) Их элегантность просто дарит наслаждение.

СТЕФАН : Не понимаю, что вы хоти...

МИШЕЛЬ : Ах, Монсеньер фон Харден. Вы не разделяете эту страсть к цифрам. Вы не знаете, чего вы лишены. Хотя, правда и то, что вы скорее любите буквы.

ГВИДО (*Софии*) : Это вы все ему рассказали, правда ? Мелкая пакостница.

МИШЕЛЬ : София, насколько мне известно, - не мелкая и не крупная пакостница, и она ничего мне не говорила. Но, знаете ли, снести смежную стенку, отделяющую ваше холостяцкое гнездышко от квартиры Монсеньера дель Пьеро, пока тот лежит в больнице, - дело шумное. Одни отбойные молотки чего стоят. И деликатность, с которой вы выставили его вещи на двор, тоже не прошла незамеченной. Говорят, Монсеньер дель Пьеро очень расстроился.

СТЕФАН : Он действительно немного удивился, когда прибыл домой в карете скорой помощи. Поднять его на этаж не смогли, потому что в дверях оказались другие замки.

МИШЕЛЬ : Неужели?

СТЕФАН : Ну ... Говоря точнее, его подняли и сразу спустили вниз. Нелегкое было дело - при инвалидном кресле и с капельницей. Надо сказать, все полагали, что Господь призовет его к себе. Без промедления.

МИШЕЛЬ : Я понимаю, но Господь, видимо, решил повременить.

ГВИДО : Я думал восстановить стенку на следующей же неделе.

МИШЕЛЬ : А почему не на этой? Сегодня понедельник.

ГВИДО : Потому что я... эээ ...

МИШЕЛЬ : Ну ничего, ничего! Не мучьте себя понапрасну. Восстановить стенку – дело не срочное.

ГВИДО : Спасибо.

МИШЕЛЬ : Мне думается, Монсеньеру дель Пьеро лучше пока повременить и побыть на теперешнем месте. Как выразился Монсеньер фон Харден, он нуждается в отдыхе. И потом, представляете, что будет, если вы снова встретитесь на лестничной площадке? Нет-нет-нет. Не желаю вам такого мучения – встретить его взгляд. Из-под капельницы, из глубины инвалидного кресла. Это было бы жестоко.

ГВИДО : Что же она тогда вам сказала, если не это?

МИШЕЛЬ : София действительно ничего мне не сказала об этом. И все склоняет меня к мысли о том, что она хотела поговорить со мной о другом. Но возможно, между этими темами есть связь?

СОФИЯ : Мне страшно.

МИШЕЛЬ : Ничего не бойтесь. Я вас защищаю. *(Пауза)* Вы собирались рассказать мне о больших денежных суммах.

СОФИЯ : Я не могу ...

МИШЕЛЬ : Ну же.

СОФИЯ : Не могу ...

МИШЕЛЬ *(София понимает, что тон Мишеля больше оберегает ее, чем принуждает)* : Это приказ начальника. У Монсеньера Фальконе не может возникнуть возражений. Исполняйте.

СОФИЯ : Ну, если ... Вначале было ...

МИШЕЛЬ : Да?

СОФИЯ : Вначале были большие суммы, но ...

МИШЕЛЬ : Продолжайте.

СОФИЯ : Ну вот, поскольку Монсеньер Фальконе решил сделать ремонт в своей квартире.

СТЕФАН : Которая предоставлена ему Церковью.

Гвидо бросает злобный взгляд на Стефана.

МИШЕЛЬ : Продолжайте, София.

СОФИЯ : Но постепенно суммы достигли какой-то невероятной величины. Я не могла поверить, что ремонт может стоить такие деньги.

МИШЕЛЬ : Все зависит от площади. Монсеньер Фальконе: какова площадь обеих квартир, вместе взятых?

ГВИДО (*шепотом*) : 373.

МИШЕЛЬ : Как вы сказали?

ГВИДО (*чуть громче*) : 373.

МИШЕЛЬ : 373 чего?

ГВИДО : Квадратных метров.

МИШЕЛЬ : Не считая подвала. Какова площадь подвала? (*Молчание - Гвидо не отвечает*) Монсеньер Фальконе?

ГВИДО (*шепотом*) : 149.

МИШЕЛЬ : 149 чего ?

ГВИДО : Квадратных метров.

МИШЕЛЬ : Подвалы сводчатые?

ГВИДО : Да.

МИШЕЛЬ : Значит, 373 квадратных метра площади квартиры и 149 квадратных метров старинных сводчатых подвалов. Очень красиво смотрится сводчатый подвал. Значит, 373 и 149.

ГВИДО : Да.

МИШЕЛЬ : Целых, до запятой. Не будем мелочиться из-за квадратных сантиметров. Значит, 373 и 149, так?

ГВИДО : Да.

МИШЕЛЬ : Ну вот. Заставить кардинала разродиться – опыт весьма интересный. Так о каких суммах речь, София?

СОФИЯ : Я ...

МИШЕЛЬ : Не будем мелочиться : речь о сотнях тысяч евро ?

СОФИЯ : Не совсем.

МИШЕЛЬ : Миллионов?

СОФИЯ : Да.

МИШЕЛЬ : Миллионов евро. Не лир, к сожалению. Ну что ж ... А сколько миллионов? Попробую угадать. Может, это простое число?

СОФИЯ : Да ...

МИШЕЛЬ : Нечетное, наверно?

СОФИЯ : Да ...

МИШЕЛЬ : В одну цифру?

СОФИЯ : Нет. (*Пауза*) Две цифры. (*Пауза*) До запятой.

СТЕФАН : Дорого выходит в пересчете на квадратный метр.

Гвидо бросает на него злобный взгляд.

СТЕФАН : До запятой.

МИШЕЛЬ : Что вы сделали, София, когда все это показалось вам, как бы сказать, любопытным?

СОФИЯ : Я пошла к Монсьеньеру Фальконе и хотела с ним об этом поговорить. Ой, да еще задолго до того, как счет перевалил за первый миллион, мне это уже показалось странным, и я ему уже в тот раз сказала. Он ответил, чтобы я не беспокоилась. Он все документы подписывал сам в то время.

МИШЕЛЬ : Продолжайте.

СОФИЯ : Ну вот, и когда я увидела названия адресатов его счетов, я вообще ничего не поняла. Ну, то есть не названия удивили, а скорее их адреса.

МИШЕЛЬ : Ах, так? И где же находились эти агентства по ремонту квартир?

СОФИЯ : Некоторые в Риме или Милане. А другие ...

МИШЕЛЬ : Да?

СОФИЯ : Ну ... в Алеппо, (*пауза*) Багдаде, (*пауза*) Бейруте.

МИШЕЛЬ : Ах, вот как. Редкие умельцы? Наверняка в рамках межконфессионального диалога. А что было дальше?

СОФИЯ : Меня замучили сомнения, бессонница. И я решила сама во всем разобраться.

МИШЕЛЬ : Продолжайте.

СОФИЯ : И как-то вечером отправилась на место. Пришла по адресу, - в данный момент дом пустует, за исключением двух квартир.

МИШЕЛЬ : Которые теперь еще и объединены. Продолжайте.

СОФИЯ : Я пробралась внутрь. Мне было страшно и немного стыдно, но еще меня мучило любопытство, - признаюсь, я хотела узнать, разобраться. Во внутреннем дворе Палаццо стоял грузовик. Грузчики вытаскивали ящики. Их было видимо-невидимо. Некоторые ящики затем поднимались в квартиру, другие спускались в подвал. Были еще какие-то люди, которые следили за выгрузкой. В какой-то момент один из них меня заметил. Он позвал других. Они двинулись ко мне. Я побежала. Они пустились бегом, я рванула изо всех сил прочь. Я решила, что надо спрятаться и ...

МИШЕЛЬ : Спасибо София. (*обращаясь к Гвидо*) Что в этих ящиках ?

СОФИЯ : Там ...

Мишель прерывает ее, опять явно оберегая.

МИШЕЛЬ : Спасибо, София, вы ответили на мои вопросы. Я сейчас обращаюсь к монсьеньеру Фальконе.

Гвидо стоит молча.

МИШЕЛЬ : Монсеньер Фальконе, наша жизнь состоит из моментов выбора. Вы сейчас стоите перед одним из таких выборов, и от него зависит ваше будущее. Вы можете хранить молчание, или вы можете сказать мне, что находится в этих ящиках. Предупреждаю: если вы промолчите, я буду безжалостен.

Довольно долгая пауза, в ходе которой Гвидо взвешивает все за и против.

МИШЕЛЬ (*довольно громко, явно демонстрируя свой гнев*) : Итак!

ГВИДО (*крик освобождения*): Произведения искусства! Уникальные сокровища! Наследие человечества! Вот что было в этих чертовых ящиках! Скульптуры, рукописи, реликвии. (*Пауза*) Я спас их!

СТЕФАН : От кого?

МИШЕЛЬ (*оборачиваясь к Стефану*) : Монсеньер фон Харден, прошу вас не вмешиваться во все это. (*Обращаясь к Гвидо*) Вопрос, тем не менее, вполне уместный. От кого же вы их спасали?

ГВИДО : Они так много уничтожили. Бесценные произведения. Уникальные.

СТЕФАН : Вроде того кольца, что сейчас у вас на руке?

МИШЕЛЬ : Если вы действительно хотите высказаться, я потом дам вам слово. Будьте очень осторожны, Монсеньер фон Харден. Не раздувайте мой гнев. (*К Гвидо*) От кого же?

ГВИДО (*после довольно долгой паузы, когда все присутствующие с напряженным вниманием ждут его разъяснений*): От исламского государства. От ИГИЛ.

Следует долгая пауза, - все обдумывают слова Гвидо.

МИШЕЛЬ : И в вашей квартире все не помещалось, да?

ГВИДО (*опустив голову*): Да.

МИШЕЛЬ : И вы не смогли восстановить стену на этой неделе, потому что сначала надо было найти другое место для склада?

ГВИДО: Да.

МИШЕЛЬ : И ничто в этой операции вас не смущало?

ГВИДО : Вы имеете в виду задействованные суммы?

МИШЕЛЬ : А вы как считает?

ГВИДО : Вы знаете, я торговался. В конечном итоге, по зрелом размышлении, я получил уникальные вещи за смехотворные деньги. Но если все сложить, то, конечно, получаются значительные суммы.

МИШЕЛЬ : Больше всего меня смущают не суммы, несмотря на их величину в миллионах. (*Пауза*) Двухзначная цифра. До запятой.

ГВИДО : Вас беспокоит вопрос, что с ними сделать? Полагаю, ценностям придется покинуть мою квартиру?

МИШЕЛЬ : Дело не в вашей квартире. Площадью 373, или даже 250 квадратных метров.

СТЕФАН : Не считая подвала. О, простите.

Мишель про себя отмечает третье вмешательство Стефана, и оно только подстегивает его гнев.

МИШЕЛЬ : Мы еще поговорим о дальнейшей судьбе этих ценностей. (Пауза). Позвольте задать вам наивный вопрос, монсеньер камерлинг.

ГВИДО : Извольте. Вряд ли он будет наивным, но извольте. Положение и так хуже некуда.

МИШЕЛЬ : Чем занимаются сторонники исламского государства?

ГВИДО : Взрывают археологические объекты мирового значения, как делали в свое время талибы – и, кстати, продолжают делать.

МИШЕЛЬ : Я говорю не о том, что они делают с камнями. С людьми. (Пауза). Что они делают с людьми? С христианами, например, - и не только с ними?

Гвидо молчит.

МИШЕЛЬ : Франция заплатила этим фанатикам тяжелую дань. Теракты, совершенные самоубийцами, взрывы, расстрел людей в кафе, в концертных залах, в редакциях газет. Другие страны, возможно, заплатили еще больше, - если возможна какая-то иерархия внутри кошмара. Сирия, Ирак, Ливан. И Ливия.

ГВИДО : Не я создал эту ситуацию.

МИШЕЛЬ : Готов признать. А вот в том, что касается Ливии, - воцарению хаоса поспособствовала страна, в которой мне довелось родиться. Противоестественный брак одной философствующей дамочки с глубоким декольте и президента-любителя побрякушек внес свою лепту в трагедию, которую теперь переживает эта несчастная страна. Тут я согласен. Истории придется также внимательно изучить финансирование некоторых избирательных кампаний за счет нефтедолларов, - именно это хотели замять, когда вступали в войну. Но вопрос, который занимает нас сегодня, - не вопрос, кто повинен в создавшейся ситуации. А вопрос, кто ее поддерживает, и кто укрепляет Исламское государство? Каким, по-вашему, образом оно вооружается? Вы что думаете, ракетные установки, бомбы, тренировочные лагеря для разных фанатиков – все это ничего не стоит?

Гвидо молчит.

МИШЕЛЬ : Они вооружаются за деньги. За большие деньги.

ГВИДО : Вы имеете в виду Саудовскую Аравию? Катар?

МИШЕЛЬ (с каждым разом произносит «Монсеньер Фальконе» с возрастающим нажимом, и по мере того, как разворачивается его

обвинительная речь, говорит все более громко и гневно): О них поговорим как-нибудь в другой раз. Теперь меня интересуют те средства, которые добываются за счет похищения людей, рэкета и контрабандной торговли: нефтью, наркотиками и...? (*пауза*) памятниками старины. Сегодня, Монсеньер Фальконе, я говорю с вами именно об этом источнике финансирования безумцев – контрабанде произведениями искусства. 20 % годового бюджета, который достигает 3 миллиардов долларов, Монсеньер Фальконе. А вы, Монсеньер Фальконе, решили использовать средства, предназначенные для бедных, на финансирование террористов. Вы сделали это, Монсеньер Фальконе. Вот что мне не нравится, Монсеньер Фальконе!

Довольно длительная пауза.

ГВИДО : Что со мной будет?

МИШЕЛЬ (*взрывается*): Что с вами будет? Да кому вы нужны! Речь идет о доверии ко всей католической Церкви!

ГВИДО (*то, как он произносит последующие слова, не позволяет четко решить, идет ли речь об истинном раскаянии или стратегической уловке*) : Прошу вас, простите меня.

МИШЕЛЬ (*все еще в гневе, и нимало не ошибаясь насчет двусмысленности последних слов Гвидо*): У мертвых надо просить прощения. У тех, кого здесь нет, потому что они убиты. У тех, кого преследуют. Вот у них вам надо просить прощения. И у Бога, если вашей душе еще есть к нему доступ.

Довольно длинная пауза.

ГВИДО : Что вы со мной сделаете?

МИШЕЛЬ : Пока что в наших отношениях ничто не изменится. Вы останетесь кардиналом вплоть до созыва того конклава, о котором я говорил. Вы обеспечите мне полную поддержку. Используете все ваше влияние для того, чтобы мои предложения получили одобрение у большинства кардиналов. Не хочу знать, как вы этого добьетесь, мне нужен результат. Затем вы напишете заявление о том, что хотите сложить с себя сан кардинала и сменить его на более скромный – сан священника. И попросите назначить вас в лагеря беженцев в Турции. Избавлю вас от тревог и неопределенности: ваша просьба будет удовлетворена. И больше чтобы я о вас не слышал.

ГВИДО (*тихо, уже смирившись со своей участью*) : А банк?

МИШЕЛЬ : Жду вашего прощения об отставке в течение часа.

ГВИДО : Но кто же тогда будет им заниматься?

МИШЕЛЬ : Я назначу председателем совета директоров Софию.

София и Стефан онемели от изумления. Гвидо покорно молчит. Мишель подходит к Гвидо и шепотом говорит ему следующие слова.

МИШЕЛЬ : Приказываю вам также хранить молчание обо всем, что здесь

прозвучало. И никому не открывать ничего из того, что вам известно о присутствующих. В этот раз вы все хорошо поняли? Ничего и ни о ком.

ГВИДО : Вы хотите сказать – о Софии?

МИШЕЛЬ : Я сказал: ни о ком. Вы поняли? Ни о ком. Это приказ.

Конфиденциальная беседа окончена. Мишель возвращается к центру комнаты, Гвидо тем временем смотрит на Софию, затем, еще более долгий взгляд – на Стефана.

МИШЕЛЬ : Подождите нас снаружи. И запомните то, что я вам сказал.

Гвидо окаменел.

Мишель : Ступайте теперь.

Гвидо молча выходит. Повисшее молчание все больше смущает Стефана, хотя Мишель и София чувствуют себя в нем совершенно естественно. София молчит, потому что мысли ее заняты недавними открытиями, Мишель молчит намеренно и хладнокровно, полностью контролируя при этом ситуацию. Он спокойно рассматривает Стефана, сознавая, каким грузом ложится на него это молчание. Мишель ждет. И не торопится.

Наконец, после долгой паузы Стефан решается заговорить.

СТЕФАН : Ну и ну! И как же я не знал!

МИШЕЛЬ : Очень любезно с вашей стороны так напомнить о своем существовании, Монсеньер фон Харден. Но я о вас не забыл, знаете ли.

СТЕФАН : Вот шельма.

МИШЕЛЬ : Слово « шельма » звучит в ваших устах вполне органично. Как, кстати, поживает ваш предшественник?

СТЕФАН : Монсеньер Люфтер? Давненько я о нем не слышал.

МИШЕЛЬ : Примерно с каких пор?

СТЕФАН : О... .. Да примерно с тех пор, как занял его место.

МИШЕЛЬ : Он тоже в свое время покинул пост при темных обстоятельствах.

СТЕФАН : Довольно темных, да. *(Пауза)*. Ну, это в прошлом. Церковь устояла.

МИШЕЛЬ : Вашим попечением. Да-да. Кардиналы единодушны. Вы очень прилежный церемониймейстер.

СТЕФАН : Вы мне льстите.

МИШЕЛЬ : Интересно, как не воспринимать эту ремарку.

СТЕФАН : Хотел сказать : горжусь такой высокой оценкой с вашей стороны.

МИШЕЛЬ : Так-то лучше. *(пауза)*. В те времена тоже неприятные статьи в прессе несколько ускорили отставку Монсеньера Люфтера. Не так ли?

СТЕФАН : Возможно.

МИШЕЛЬ : Вы что, страдаете болезнью Альцгеймера?

СТЕФАН : Я решил не ворошить прошлое, Ваше Святейшество. *(пауза)*. Из христианского милосердия.

МИШЕЛЬ : А ведь были статьи в Бильд-Цайтунг.

СОФИЯ : Вы и на это подписаны?

МИШЕЛЬ *(с улыбкой в сторону Софии, он оценил ее подкалывание)*: Вы просто видите меня насквозь, София. *(пауза)*. Подковерное радио-Ватикан вещало всюду, вести доходили и до моей родной Гвианы. Говорили, что кто-то слил информацию газетчикам, и что утечка шла прямо из недр курии – еще в тот раз ...

СТЕФАН : Злопыхатели.

МИШЕЛЬ : Видимо, да, видимо да. Ну что ж. Забудем об этом.

СТЕФАН : Это предпочтительней, Ваше Святейшество. День был долгим. Вас ждут снаружи.

МИШЕЛЬ : Хорошо, что вы напоминаете мне о моих обязанностях. *(Пауза)*. Прежде, чем выйти, Монсеньер фон Харден, позвольте мне один вопрос, который свербит меня уже долгие годы?

СТЕФАН : Который вас - что?

МИШЕЛЬ : Это такое гвианское выражение. Скажем, вопрос, который периодически занимает мой ум и касается вас, - человека, которого все члены нашего братства считают хранителем догм и традиций наших предшественников.

СТЕФАН : Ой, мне неудобно.

МИШЕЛЬ : Что вы, не стесняйтесь. Некоторые даже считают, что у вас истинно папская хватка.

СТЕФАН : Даже не знаю, что и сказать, Ваше Святейшество. Я смущен. Прошу вас, святейший отец, задайте вопрос.

МИШЕЛЬ : Так вот : вы любите интернет ?

СТЕФАН : И что, это действительно тот вопрос, который вас, - как это вы сказали ?

МИШЕЛЬ : Свербит. Синоним - беспокоит. Да, действительно, вопрос тот самый.

СТЕФАН : Надо же. Ну что ж ... по правде говоря ... не сильно, - нет, я не слишком люблю интернет.

МИШЕЛЬ : Тогда у меня для вас новость : это взаимно !

СТЕФАН : Как это !?!

МИШЕЛЬ : Интернет вас тоже не любит. А у этой штуки такая память : 0-го-

го ! Отличная память. О-го-го!

СТЕФАН : Но о чем вы?

МИШЕЛЬ : Интернет вас сильно недолюбливает. Сильно-сильно. И как злопамятен! Знали бы вы! Килобайты не знают Альцгеймера.

СТЕФАН : Не понимаю.

МИШЕЛЬ : Килобайты? *(по слогам)* Ки-ло-бай-ты.

СТЕФАН : Нет, это я понимаю. Но я хочу сказать: не понимаю остального.

МИШЕЛЬ : Элементарно. Вы не понимаете, и это нормально. Я понимаю. И это тоже нормально. *(Пауза)* Представьте себе, двумя папами раньше ...

СТЕФАН : Ой!

МИШЕЛЬ : Хорошо, вы гуманитарий, но до двух вы считать умеете. Так вот: пред-пред-последний папа назначил меня администратором серверов Церкви. Включая курию. Заслуг моих в этом особых нет: докторская степень по информатике вполне к этому предрасполагала. *(Обращаясь к Софии:)* Я учился этому после получения докторской степени по теологии. Чтобы открыть для себя другой мир после защиты диссертации по книгам XV века. *(Стефану:)* Очень полезно бывает иметь запасную скуфью. Французы говорят про запасную каскетку, на случай смены работы, но мне больше по душе запасная скуфья, особенно с тех пор, как я вошел в эту ризницу. Даже если журналу Closer требуется неделя, чтобы дойти до Французской Гвианы, я, благодаря подводному кабелю, знаю все, что происходит в Риме: мне докладывает компьютер. Куру всегда в курсе. Высокая скорость, оптоволоконная связь.

СТЕФАН: Не понимаю.

МИШЕЛЬ: Терпение: экзегеза близка. Представьте себе, тогдашний понтифик заказал мне провести расследование неприятностей, которые тогда случились с Бильдом у вашего предшественника. Он попросил меня проверить, на всякий случай, откуда пошел слух по нашим сетям. Жаль, что сам он умер прежде, чем смог прочитать тот замечательный и ловко состряпанный e-mail, который вы так ловко запустили в популярный немецкий ежедневник.

СТЕФАН : Не понимаю, о чем вы говорите.

МИШЕЛЬ *(внезапно сурово)* : Монсеньер фон Харден. Я вам тоже задам один вопрос. Хочу, чтобы вы осознали, чем вы рискуете, если откажетесь отвечать или солжете мне: это вы подстроили утечку итальянскому журналисту того имейла, который обвиняет Монсеньера Фальконе? Подумайте хорошенько.

После долгого раздумья.

СТЕФАН : Да, святой отец.

СОФИЯ : Вы! О!

МИШЕЛЬ : А ведь он был вашим союзником. Он вас поддерживал и долго мог еще быть вам полезен в ваших проектах.

СТЕФАН : Я опасался влияния его действий на репутацию Церкви.

МИШЕЛЬ : А вот зато репутация Софии значения не имела? Вас не смутило, что вы ставите под подозрение ее, – послав имейл ее брату?

СТЕФАН : Электронное письмо было анонимным! Я использовал специальную программу!

МИШЕЛЬ : Да, программу TOR, хорошо знакомую нелегалам всех мастей.

СТЕФАН : Она защищает источники!

МИШЕЛЬ : Да неужели! Вы принимаете меня за новичка?

СТЕФАН : Не защищает источники?

МИШЕЛЬ : Ваша наивность почти убедительна.

СТЕФАН : Почти?

МИШЕЛЬ : Почти да. В том, что касается TORa, думаю, вы действительно наивны настолько, насколько это демонстрируете. Но по поводу отправки электронного письма брату Софии, вы знали, что делали. Вы отвели подозрения, чтобы оградить себя от Фальконе. *(Пауза)* Он имеет над вами власть, ведь так? И вы хотели избавиться от него, не подставляя себя. Кто знает? Возможно, вы даже подумывали о том, чтобы коренным образом изменить ситуацию. Вы ждали, что давление будет нарастать, и он сам придет просить вашей протекции. Для равновесия.

СТЕФАН *(виновато опуская голову)* : Да, святой отец.

МИШЕЛЬ : Вы думали, что он единственный, кто знает?

СТЕФАН : Знает что?

МИШЕЛЬ : Знает вашу тайну?

СТЕФАН : Почему? Кто еще может быть в курсе?

МИШЕЛЬ *(весомо и многозначительно, давая понять, что и он тоже знает)* : А вы как думаете.

СТЕФАН *(осознав, что Мишель знает, Стефан впадает в панику)* : Господи. *(Довольно длительная пауза)*. Что вы со мной сделаете?

МИШЕЛЬ *(после долгого размышления)* : Вы останетесь у меня на службе в прежней должности. И вы тоже поможете мне провести реформы. Всеми силами. Не щадя себя. А в остальном - посмотрю. Когда придет время. А теперь вы оставите нас и подождете снаружи. Вы вернетесь сюда после окончания церемонии, через два часа и тогда незаметно выведете Софию.

СТЕФАН : Но ее же узнают. Как я объясню присутствие женщины в таком месте?

МИШЕЛЬ : Вы правда думаете, что она – первая? В других обстоятельствах

ваша наивность почти могла бы растрогать. Но мы действительно постараемся соблюсти приличия. Впрочем, больше ради Софии, чем для кого-то другого. Она наденет мою кардинальскую мантию, и никто ничего не поймет. Я уверен, что пурпур ей будет к лицу. Кто знает, возможно, этот *(небольшая заминка, чтобы лучше выделить следующее слово)* шаг – лишь прелюдия к рукоположению женщин? Посмотрим. Время есть.

СТЕФАН : Но ...

МИШЕЛЬ : Да, чуть не забыл: тем временем вы приготовите указ о назначении Софии: она возглавит Банк Ватикана. Я подпишу его завтра утром. И раз уж вы так ловко умеете запускать слухи, распространите весть о том, что София отсутствовала вследствие неважного самочувствия. *(Взглянув на Софию)* По такому случаю вам даже не придется лгать. Так что и угрызений совести в будущем будет меньше.

Стефан направляется к двери. За секунду до того, как он откроет ее, Мишель окликает его в последний раз.

МИШЕЛЬ : Еще одно.

СТЕФАН *(оборачиваясь)* : Да, Святой отец?

МИШЕЛЬ : Вы сохраните полное молчание обо всем прочем, что здесь говорилось. Если хоть капля куда-то просочится, я возложу вину за это на вас. Несколько островов вблизи Южного полюса остро нуждаются в кюре *(голос усиливается на слове «кюре», ибо это дополнительное наказание для кардинала фон Хардена, который в таком случае лишается кардинальского сана)*, чтобы нести слово божье чайкам и пингвинам. Подумайте об этих созданиях божьих и закройте дверь с другой стороны.

Стефан выходит.

София и Мишель остаются одни. Они провожают взглядом уходящего Стефана, и прежде, чем они отведут взор от закрывшейся за ним двери, София пророчески говорит :

СОФИЯ : Он предаст, разболтает. Он неисправимый доносчик.

МИШЕЛЬ *(загадочно, и все еще глядя на дверь, в которую вышел Стефан)* : Вы сами не догадываетесь о масштабах своей проницательности. *(Пауза)*. Конечно, разболтает. Иуда всегда иуда. Только этот доносчик будет выбалтывать то, что нужно мне. Всегда полезно иметь среди персонала одного иуду.

СОФИЯ : Донос мне омерзителен.

МИШЕЛЬ *(оборачиваясь к Софии)* : Я знаю. Я понял это, когда вы промолчали. Хотя соблазн сказать был велик. Вы сильная. Вот из таких негибаемых людей и выходят крупные хозяйственники.

СОФИЯ : Но вы же не всерьез говорили?

МИШЕЛЬ: Когда именно?

СОФИЯ : Когда заявили, что назначите меня главой административного совета Института Религиозных дел? ИРД, нет, вы себе представляете? Можете себе представить меня – во главе Банка Ватикана? Вы шутите?

МИШЕЛЬ : Может, я и похож на патентованного балагура, но иногда я говорю серьезно. К тому же, еще до того, как я поставлю вопрос о рукоположении женщин на первом же конклаве, подключенном к всемирной паутине, и вызову тем самым новый приступ тахикардии у Монсеньера Стефана фон Хардена, - еще до этого мне хочется показать, что католическая церковь открыта для женщин, - и не только, если они монахини.

СОФИЯ (*разочарованно*) : Ах, дело только в этом.

МИШЕЛЬ : Нет, не только. Это, как бы сказать, вытекающее последствие, побочный маркетинговый бонус. Настоящая причина в другом.

СОФИЯ: В чем же? Я не могу за вами угнаться.

МИШЕЛЬ: В этом нет нужды. Напротив, это я буду следовать вам во всем. (*Пауза*). Вы будете руководить банком по одной – и очень простой причине.

СОФИЯ : Да?

МИШЕЛЬ : Я вам верю.

СОФИЯ : Да что вы, я не справлюсь.

МИШЕЛЬ : Вы же умеете считать? Вы даже знаете, что такое простые числа.

СОФИЯ : Нечетные.

МИШЕЛЬ : Этого хватит с лихвой! Вы обладаете здравым смыслом? Так. Вы порядочны? Несомненно. Вас не пугают пурпурные одежды кардиналов? Так в добрый час! Банкиры с их костюмами от лучших кутюрье и часами по 30000 евро тоже не смогут вас впечатлить. Знаете, банковское дело, по сути – видимость и пускание дыма в глаза. И много веры. Люди верят, что акции Fiat пойдут вверх и покупают их. Верят, что акции Mercedes пойдут вниз и продают. Много молятся о том, чтобы инвестиции принесли доход. Невероятно, сколько сожжено свеч во славу божеств Nasdaq, S&P 40, или индекса Footsie. Здесь много верят, много молятся, здесь много разводки и мало науки. Тут есть свои пророки : вы видели хоть одного экономиста, который бы вовремя предсказал кризис? Зато потом, задним числом, - как все становятся проницательны, с ума сойти! Каждый финансовый труп окружает толпа добровольных экспертов. Это все строго между нами, вы уж никому не говорите : видимость, пыль в глаза, вера, пророки ; в конечном счете, банковское дело и церковь имеют много общего. Только в вопросах морали и этики иногда расходятся.

СОФИЯ : Да, бывает.

МИШЕЛЬ : На самом деле не так и часто.

СОФИЯ : « Настоящие банкиры » никогда не примут меня в качестве равной.

МИШЕЛЬ : Да я на это и надеюсь! Это нормально, и пусть так и будет. Вы не ровня им. Именно поэтому я вас и выбрал. Не только потому, что вы на них не похожи – согласен, этого было бы недостаточно – но главным образом, потому, что вы - ни с кем не сравнимы, а это – уникальное качество.

СОФИЯ : Но Курия будет мне постоянно ставить палки в колеса. Все кардиналы будут меня ненавидеть.

МИШЕЛЬ : Ненависть – не христианское чувство, и я сумею им это напомнить. Впрочем, первое дело будет очень простым: мы их позовем одного за другим ко мне в кабинет и спросим, где они проживают и сколько платят за квартиру. Вы увидите, что после этого дела пойдут очень просто. Это вам здорово поможет в составлении окончательного списка недвижимости, которой обладает Церковь в Риме.

СОФИЯ : Монсеньера Фальконе вам мало?

МИШЕЛЬ : Монсеньер Фальконе в своем роде тоже уникален. Но и другие располагают слишком тучными синекурами для того облика, который я хочу придать Церкви. А давайте мы начнем эти встречи с Монсеньера Островского. Тоже страстный любитель истории, но в очень особом регистре. Я думаю по окончании нашей беседы доверить ему миссию нести благую весть на островах Сен-Пьер и Микелон. Через месяц этот очаровательный архипелаг, открытый 1000 лет назад предками нынешних эскимосов, дождетса нового епископа.

СОФИЯ : Но ...

МИШЕЛЬ : Вы увидите, как бодрят такие собрания. Я уверен, что наш новый друг отправится туда полный энтузиазма и самоотверженного желания принять свою новую участь. Говорят, природа там красивая. Ну, когда удастся ее рассмотреть сквозь дожди и туман. В високосные годы такое случается. Будет изредка присылать нам открытки из типовой квартиры в блочном доме постройки 50-х без центрального отопления.

СОФИЯ : Курия – это джунгли, но как же другие? Банкиры-« профессионалы »? Акулы финансового мира? Руководители других банков Рима? И других стран? Они наши конкуренты, но одновременно мы в них нуждаемся. Они не станут мне помогать ни за что.

МИШЕЛЬ : Вы не знаете еще одну вещь, София. И это делает вам честь.

СОФИЯ : Я с вами совсем запуталась. Не понимаю, что лучше - слишком много знать, или многого не знать. Неужели мою неосведомленность сможет компенсировать любопытство?

МИШЕЛЬ : С лихвой! А это неплохо сказано, кстати. Вы позволите, я запишу? *(Хватает блокнот и ручку, записывает)* « Не понимаю, что лучше - слишком много знать, или многого не знать»: на эту тему можно набросать совсем неплохую проповедь. И легко продержаться два часа на кафедре в

базилике.

СОФИЯ : А о чем вы со мной хотели побеседовать – пока не начнете набрасываться в базилике?

МИШЕЛЬ : Как-как? Ах, да. Не стоит вам недооценивать могущество католической церкви. Она, конечно, не NSA, ни Моссад, не DGSI, не MI-6, но

...

СОФИЯ : Это что еще за штуки? Буквы какие-то? Не понимаю, что вы хотите мне сказать.

МИШЕЛЬ : Пути господни неисповедимы, и сокрыты не только от вас, пусть этот вопрос вас совершенно не беспокоит. Так что, возвращаясь к вопросу, который мы обсуждали до того, как вы сбили меня своими замечаниями.

СОФИЯ : Ну что за лукавство!

МИШЕЛЬ : Я так расслабляюсь. Лукавство – это моя йога. Но если вы будете все время прерывать меня и говорить о другом, у нас ничего не получится.

СОФИЯ : Забудем. Ну давайте тогда : я вас слушаю.

МИШЕЛЬ : Спасибо. На чем бишь я остановился? Ах да. Эти, как вы выразились, штуки – самые действенные разведслужбы мира: американская, израильская, французская и британская. Лучше них практически никого нет.

СОФИЯ : При чем тут они?

МИШЕЛЬ : Так вот, у католической церкви тоже есть своя разведка. Вы не подозревали? Наша служба в своем роде совсем неплоха. Представьте себе 85 километров архивов, накопившихся за много веков. Они здесь, у нас под ногами. В подвалах. Вы знаете, двухтысячелетняя практика научила нас не открывать тайну исповеди, но все-таки извлекать пользу из того, что мы узнаем. Поверьте, сведения, которые ежедневно собирает Церковь, могут оказаться весьма полезны. У нас есть средство навеки испугать этих банкиров. Так что вам их бояться вовсе нет причин. Да вы их видели? Едва запахнет кризисом, они тут же прибегают плакаться и прятаться в юбках у правительств, чтобы те спасли их вливанием бюджетных средств. А едва спасутся, ноль благодарности: тут же требуют от правительств дать больше свободы для новой фигни.

СОФИЯ : Ой!

МИШЕЛЬ : Что?

СОФИЯ : Вы же ругаетесь.

МИШЕЛЬ : Это когда не хватает йоги. Так о чем бишь я? Да. Не беспокойтесь: манипулирование курсами акций и ставками прибыли, мошенничество с сертификатами выброса CO₂, финансирование подпольной торговли оружием и тому подобные прелести. Мы многое знаем. Не бойтесь: они будут у вас как шелковые. Первой вашей задачей

будет добиться того, чтобы Банк Ватикана перестал ассоциироваться с отмыванием денег – будь то деньги мафии или каких-то других структур. Они вам в этом помогут. К тому же, как вы сами сказали, большинство из них – ваши конкуренты. Вы увидите: некоторые будут просто счастливы избавить вас от неудобных счетов. Но естественно, мы будем держать глаза открытыми и добавим еще несколько метров уютных и теплых архивов ...

СОФИЯ : Я не сумею. Они будут ко мне беспощадны.

МИШЕЛЬ : Да погодите! Бог обратил воду в вино. Согласен, такое не каждому по плечу. Но обратить акул финансового мира в аквариумных рыбок – это же, в сравнении, детский лепет.

СОФИЯ : Мне не справиться.

МИШЕЛЬ : Держите постоянно в уме слова Иоанна-Павла, София : Не надо бояться.

СОФИЯ : А как же с антиквариатом Монсеньера Фальконе? Что станет со всеми этими ценностями?

МИШЕЛЬ : А что бы вы с ними сделали?

СОФИЯ : Я? Не знаю.

МИШЕЛЬ : Ладно : тогда чего вы с ними не сделаете?

СОФИЯ : Вернуть их нельзя. Их уничтожат. Их даже показать нельзя, тем более перепродать. Это вызвало бы колоссальный кризис доверия к Церкви. Надо бы их пока спрятать - до лучших времен.

МИШЕЛЬ : Орден цистерцианцев строгого соблюдения, это вам о чем-то говорит?

СОФИЯ : Пока нет.

МИШЕЛЬ : Дело наживное! Так вот. Привезете мне из Гренобля дюжину траппистов. Самых упертых и несгибаемых, я дам вам адрес. Они дали обет молчания, чтоб слушать Бога. Телефон с собой не берите, он вам не понадобится: они снимают трубку, но ничего не говорят, если только на том конце провода – не Бог. Да и то еще подумают. Вы отправитесь туда послезавтра, на микроавтобусе и с запиской от меня. Возьмите с собой диски. Музыкальную какую-нибудь повеселее. Мадонну, что-нибудь в таком духе. Проехать 800 км в одном автобусе с дюжиной реальных качков, только с тонзурами и в сандалиях, и при этом абсолютно безмолвных – это может показаться монотонным. Ну да ладно, вполне возможно внимать Господу и таскать ящики с антиквариатом.

СОФИЯ : И куда складывать?

МИШЕЛЬ : Ящики? В подвал. Но в наш. Те 85 километров, о которых я говорил – это для архивов. У Ватикана есть еще и гостеприимные подвалы для кучи прочих вещей. Если мы устроим гараж-сейл, вы так удивитесь!

СОФИЯ : Господи!

МИШЕЛЬ : Называйте меня просто Мишель.

СОФИЯ (*смеется, потом все-таки чуть серьезнее*) : Нет, я хочу сказать. Как у меня получится все это сделать?

МИШЕЛЬ : Получится. Я в вас верю. И ваши сомнения укрепляют мою веру. (*Пауза*). Однако окончательное решение за вами. (*Пауза*) Вы нужны мне, София. Могу я на вас рассчитывать?

СОФИЯ (*довольно длительная пауза*) : Я постараюсь не подвести.

МИШЕЛЬ : Это не ответ на мой вопрос. Я могу на вас рассчитывать?

СОФИЯ (*довольно долгая пауза*): Можете, Мишель.

Мишель схватывает ладони Софии. Они долго смотрят друг на друга, не размыкая рук.

МИШЕЛЬ : Они ждут меня. (*Оба молчат*) Я должен идти. (*Оба молчат*)

СОФИЯ : Вы все обдумали?

МИШЕЛЬ : Бог доверил мне дело. Я должен идти. Я должен выполнить его.

СОФИЯ : Это задача нечеловеческая. Они все пойдут против вас, вы их слышали? Вы их знаете?

МИШЕЛЬ : Но рядом со мной будете вы, София. Я уже чувствую себя сильнее.

СОФИЯ : Возможно, этого будет недостаточно.

МИШЕЛЬ : Посмотрим.

Довольно долгое молчание. Их руки размыкаются. Медленным и торжественным жестом Мишель вытаскивает из шкафа плечики с белым одеянием и протягивает его Софии, взглядом прося о помощи.

МИШЕЛЬ : Вы же поможете мне облачиться в это платье?

После довольно долгого раздумья София берет его. Потом прикладывает альбу к себе и очень по-женски смотрится в зеркало, словно примеряя платье в магазине, - затем кладет его на молитвенную скамейку. Оба представляют, как будет выглядеть в этом одеянии София. Во время всего этого процесса смены сутан оба хранят молчание, но их глаза встречаются, иногда их тела касаются друг друга, и в эти моменты молчание прерывается шепотом извинений, смущенным и заговорщицким одновременно. Когда одевание завершено, София отступает на шаг, чтобы осмотреть Мишеля в новом облачении.

СОФИЯ : Ваше Святейшество.

МИШЕЛЬ : Прошу вас, София. Когда мы вдвоем, позвольте мне остаться для вас Мишелем.

СОФИЯ (*указывая на него в новом наряде*) : Даже если ...

МИШЕЛЬ : Даже если. Не ряса делает монаха монахом.

СОФИЯ (*со смехом*) : Но папу – делает папой. Эта мантия вам к лицу. (*спохватывается*) Очень красивый понтифик. Идите, Мишель. Вас ждет миллиард людей.

МИШЕЛЬ : Миллиард. (*Задумывается. Пауза*).

СОФИЯ : Целых, до запятой.

София и Мишель улыбаются друг другу.

СОФИЯ : А теперь идите.

Мишель медлит, прежде чем направиться к двери. Берется за ручку и останавливается. Оборачивается, не открыв дверь.

МИШЕЛЬ : София?

СОФИЯ : Да, Мишель?

МИШЕЛЬ : Вы согласились бы ...

СОФИЯ : Да, Мишель?

МИШЕЛЬ : Не знаю, как сказать. Я вдруг стал робеть при вас.

СОФИЯ : Решайтесь, Мишель. Не бойтесь.

МИШЕЛЬ : Вы согласились бы ... чтобы мы, как сказать ...

СОФИЯ : Слушаю вас, Мишель, я здесь, перед вами.

МИШЕЛЬ (*медленно подбирая слова, со стеснением*) : Вы согласились бы изредка со мной ... кататься на велосипеде?

София хохочет. Видя, что просьба Мишеля серьезна, она перестает смеяться и задумывается.

СОФИЯ : А где бы вы хотели кататься?

МИШЕЛЬ : Есть много мест, конечно. Однако в этом множестве есть одно место, которое мне особенно дорого.

СОФИЯ : Какое?

МИШЕЛЬ : Я там бывал ребенком, с родителями. Волшебное место. На самом деле именно в память об этом месте я и выбрал себе имя. Как напоминание о годах невинности, счастья.

СОФИЯ : Где же это?

МИШЕЛЬ : В Нормандии. Гора Мон-Сен-Мишель.

СОФИЯ : Конечно. (*Довольно длительная пауза*). Мы наверняка совершим глупость.

МИШЕЛЬ (*с грустью, поскольку он воспринимает Софии как отказ*) : Это не исключено. Вы правы. Простите. Забудьте об этом.

Мишель снова поворачивается к двери, чуть сутулясь, шаг его тяжелее, он

снова берется за ручку, и снова медлит. За мгновение до того, как он откроет дверь, София, провожавшая его взглядом, решает заговорить. Ее слова, сказанные мягко и тихо, удерживают его.

СОФИЯ : Глупость ... нечеткость... даже промашку ... А поскольку нас отличает общая склонность к непарности и нечеткости ...

Мишель отпускает ручку, оборачивается и улыбается ей, пока она говорит.

СОФИЯ : Ее можно объединить (Пауза). И разделить на двоих.

Мишель чуть усмехается, незаметно, почти что вздохом.

МИШЕЛЬ : Вы мне нравитесь, София.

СОФИЯ (частично – себе самой, довольно тихо) : Это взаимно. (Мишелю, с неуловимой долей обещания и кокетства) Мы еще поговорим об этом. (Пытаясь говорить легко, но голос чуть-чуть дрожит, в нем слышно ее убеждение: ничто уже не будет как прежде... И она произносит слова, которые словно печатью скрепляют высший дар. Она отдает Мишеля - Человечеству). А теперь - ступайте. Вы нужны Человечеству. Вперед.

Мишель снова отворачивается и берется за ручку двери. Открывает ее и обращаясь к Софии, говорит:

МИШЕЛЬ : Молитесь за меня, София.

Мишель уходит, оставляя Софию в одиночестве.

СОФИЯ : Молиться ... Я буду плакать о тебе.

Светлые слезы текут по щекам Софии. Она смотрит вслед уходящему Мишелю, освещенному светом нового дня.

Занавес